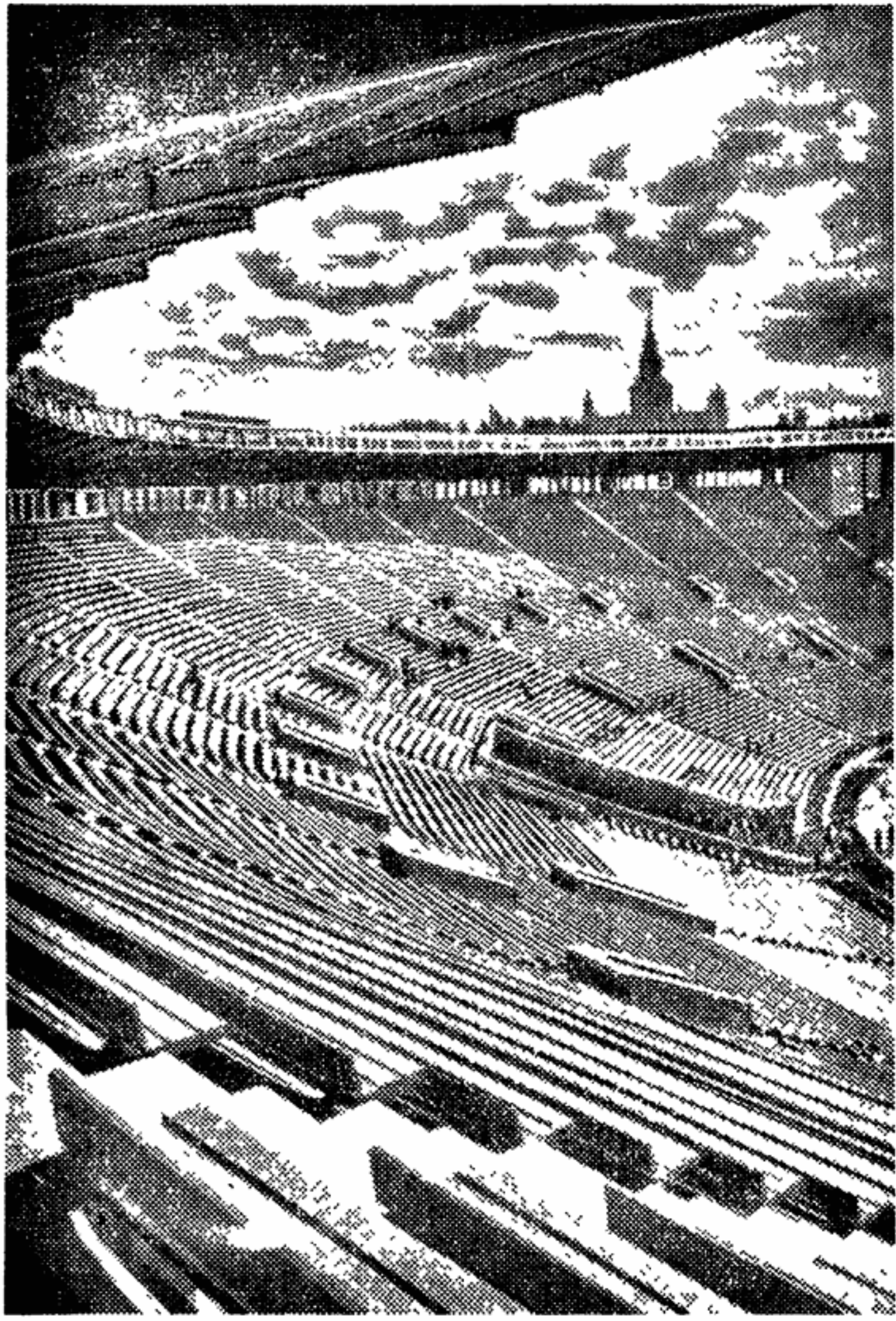

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ МОСКОВСКИЙ...

РЕПОРТАЖ

Весь день — с утра и до вечера — понадобятся для того, чтобы обойти этот спортивный комбинат. И все-таки это будет довольно беглый осмотр. Ведь надо обойти большую арену с ее пятиэтажными подтрибунами «недрами», малую арену, бассейн, Дворец спорта, десятки и десятки различных спортивных площадок. Но если даже отвести для осмотра Лужники несколько дней и поручить его самому выскальчившему критику, все равно мы не разойдемся с ним в общих выводах: столица получает спортивное сооружение высокого класса, великолепный комплекс всего, о чем только могут мечтать зрители, спортсмены, судьи.

Туристы, которые видели лучшие стадионы Будапешта, Лондона, Варшавы, Рио-де-Жанейро, Мельбурна, утверждают, что наш, Центральный московский, не уступит им ни в чем. Многие, вероятно, замечают: почти в каждом газетном сообщении о каком-либо стадионе в Лужниках упоминается о том, что самый лучший вид на него открывается как раз с того места, где некогда Герцен и Огарев произнесли свою знаменитую клятву. Что ж, может быть, это и есть наиболее естественное и, так сказать, наиболее историчное введение к рассказу о новых Лужниках. Как и в юношеские годы Герцена, с этой точкой — ныне с гранитного парапета Ленинских гор — открывается панорама почти всей Москвы. Это — единственное место, откуда видны Иван Великий и все шесть белых высотных силуэтов столицы (а за спиной у вас и седьмой — МГУ), дымы Красной Пресни, стеклянный купол Музея изобразительных искусств, пятикопечник Театра Советской Армии и необоримое множество других куполов и зданий. А в ясную погоду вполне различимы башни и зубчатые стены Кремля, стрельца Арбата и вогнутые полукопце Садовой...

Всегда, и в прошлые годы, это зрелище неизменно давало и волновало нас. И только лежавший внизу, под ногами, огромный пустырь, именуемый Лужниками, кое-где вырхнувшийся несколькими отбоями, кое-где застроенный вразброс приземистыми домиками да бараками-временками, портил общую картину. Как же начинать рассказ о Лужниках иначе, если сейчас, словно по мановению волшебной палочки, от угрюмого пустыря не осталось и следа? Вместо него раскинулся исполинский стадион, который вот-вот распахнет свои ворота.

Сегодня он живет радостью суровой последних приговоров. Приговора эти подчас носят характер весьма серьезных строительных работ. К временным причалам у гранитной набережной подходят грузовые суда, во всех направлениях вдоль асфальтированных аллей, уже усаженных молодыми деревьями, снуют сотни машин, у внешнего обода главной арены таяно охват самовалы. На трибунах, которые рассчитаны на сто тысяч зрителей, работает около тысячи человек: устанавливаются и красят скамьи. Все кипит также на малой спортивной арене (она предназначена для ручных игр) и в плавательном бассейне. Это очень крупные сооружения: трибуны малой арены вмещают свыше 16 тысяч зрителей, бассейн — свыше 13 тысяч. От 15 до 17 тысяч человек примет Дворец спорта; он войдет в строй позже, осенью.

Но вот футбольное поле уже неприкосновенно! Не дай бог кому-нибудь приблизиться к молодой траве — с всех сторон зальются предупредительные свистки. Только один раз, несколько дней назад, на него ступили футболисты. С точки зрения спорта это было довольно серьезный матч: против местного «Локомотива» выступала юношеская сборная Москвы. И все же большинство зрителей не столько следило за перипетиями игры, сколько за тем, как себя «ведет» поле. Все в порядке, — заноютки признают его лучшим в стране! Последние испытания проходила на наших глазах беговая дорожка. Какими-то специальными приборами измерялась упругость ее покрытия (он непривычно, красного цвета). Под ним — особый «фундамент» особой рецептуры...

Всем известно, что с первых же дней строительства Центрального московского стадиона идет сверхскоростными темпами и предостерегается немногим более года. Ни одна из наших крупных культурных строек не знала еще таких темпов. Они оказались вполне по плечу организаторам работ и почти шестидесяти строительно-монтажным управлениям и конторам, отвечающим за различные участки, и, наконец, московской молодежи, комсомолу, назвавшему Лужники своей стройкой.

Репортажу о стройке нужны цифры, точные последние данные. Скажем, сколько на сегодня вынута кубометров земли? Или, какова сейчас квадратура заасфальтированной площади? Сколько высажено молодых деревьев и какова общая длина озелененных аллей? Но узнать это, оказывается, не так просто. Во-первых, обстановка такова, что журналистов, интересующихся этими сведениями, чересчур много, а люди, которые должны дать ответ, необычайно заняты. Во-вторых, в штабе стройки нельзя получить ничего абсолютного: цифры изменяются с каждым часом, а последние сведения с участка еще не поступали.

Несколько вырывает неофициальная пресс-конференция, товарищески устроенная сотрудниками многоэтажной «Стройки стадиона». В конце ее нам вручают отпечатанный на машинке листок «Основные данные по спортивным сооружениям». Вот некоторые цифры.

На трибунах большой арены 73 ряда, 150 ступенек (личные наблюдения: поле прекрасно видно с любого места). Что особенно важно: трибуны имеют восемь больших входов внизу и десятки «растасывающих» — наверху, на уровне второго и третьего этажей. Таким образом, процедура заполнения и разгрузки стадиона будет проходить беспрепятственно и быстро. В первые легко можно будет выйти наружу, к аллеям, или же предостеречь этому прогулку по широкой внутренней галерее, напоминающей фойе театральной бельэтажа...

К услугам зрителей 36 буфетов и два ресторана. А теперь взглянем туда, где вряд ли удастся побывать большинству зрителей, — под трибуны. Тут все предназначено для спортсменов. Почти в каждой двери прикреплена табличка: «Принито комсомольцев». Под трибунами большой арены размещаются 14 спортивных залов и манеж, в которых смогут тренироваться бегуны, два кинозала, поликлиника, два фортепьянных зала, бассейн. Всюду горячая и холодная вода, множество душевых кабин, массажные, в том числе и специальные ванны для водного массажа, широко входящего в моду среди спортсменов...

5 августа над новым стадионом зовутся флаги Спартакиады народов СССР. В будущем году он станет ареной очередных всемирных молодежных и студенческих игр. Но стадион в Лужниках задуман и выстроен не только как грандиозное сооружение для наиболее примечательных и массовых состязаний. — это лишь одна его функция. Вторая — и, в сущности, не менее важная — состоит в том, что наша столица получает универсальный комбинат спорта, где смогут одновременно отлажаться любимицы занятий тысячи и тысячами физкультурников. А когда войдет в строй Дворец спорта, время года вообще уже мало чем смогут помешать спортсменам: летом они будут играть в хоккей и заниматься фигурным катаньем на коньках, зимой возьмут в руки теннисные ракетки. Не много существует видов спорта, которыми нельзя будет здесь заняться.

В добрый путь, Большие Лужники!

А. ГАЛИНСКИЙ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 88 (3589)

Четверг, 26 июля 1956 г.

Цена 40 коп.

НА ПОЛЯХ ЗАДОНЬЯ

Виталий ЗАКРУТКИН

ПОЧТИ весь июль над холмами Северного Дона, над бескрайними задонскими полями бушевали грозные дожди. Постоял день-два ясная погода, едва просохнут на дорогах голубые лужи, а там, глядишь, задует с моря низовка, яростными гребешками воды вскипят потемневший Дон, в вечерних сумерках запылят дальние зарницы, закулачуют густые оловянные оттенки тучи, и — вначале повором, резкими каплями, а потом все более обильно и шумно — пойдет хлестать теплый ливень.

Хорошо еще, если такой ливень продолжится час-два. Летнее солнце — жаркое. Земля быстро подсыхает, и на полях можно работать. А в иные дни дождь лет с утра до вечера, все вокруг таежделет, колосья хлеба нынукт к земле, по дорожным кюветам хлещет ливень. И тогда остаются на загонах виброуэры, комбайны, целыми колоннами стоят на обочинах дорог неподвижные, захлебанные грязью машины. Люди упрямо поглядывают на темное небо, нетерпеливо дожидаясь солнца.

Сядет на укрытом крыльце бригадного стана выдавший виды сторож-старик, вытает смуглую ладонь, сердито стряхнет дождевые капли и заговорит укоризненно: — Оно, пожалуй бы, и хватит тебе лить! Ишь разошелся, дурноля! Конечно, может, какую пользу ты и принесешь картофею, к примеру, бахам, огородам, а только вреда больше окажешь, чем пользы...

И, обращаясь к случайно оказавшемуся на крыльце проезжаем, старик разъяснит: — Хлеб на Дону ныне добрый, жаловаться нечего: и пшеничка уродилась, и ячмень, и кукуруза. Да ведь вот следом за дождями сорняк из земли попер прямо без удержу: там тебе этой лебеды, осту и всякой разной пакости целые леса повростали, хоть выкопай гоняй! А это, известное дело, и для уборки урожая не дождь славно.

Действительно: июльские ливни, обилье сорняков задерживают уборку зерновых, замедляют темпы работы на полях. Труднейшим-хлеборобам приходится использовать буквально каждую секунду, каждый час ясной погоды.

ДАЛЕКО раскинулись поля крупного задонского колхоза «Память Ильича»: пятнадцать тысячам гектаров земли выдеет колхоз. И много труда надо было приложить, чтобы вырастить на этой земле хороший урожай. Ранней осенью прошлого года избрали колхозника нового председателя: из города в хутор Суат приехал посланец партии, коммунист-тридцатипятилетний Гавриил Исидорович Куниин. Многие повидать в жизни этот высокий спокойный человек. Сын крестьянина-бедняка из Орловщины, он вырос в семье, где одним детей было девятнадцать; батрачка у кулаков, пас коров. Семь братьев Гавриила Куниина, так же как и он сам, были коммунистами, и все, кроме него, погибли на фронтах: двое в гражданскую войну, пятеро — в Отечественную. Потом Куниин работал слесарем на «Ростсельмаше», стал начальником цеха. Четыре года воевал, а после войны был назначен главным инженером проекта в одном из институтов. Отсюда и ушел инженер-механик Куниин по призыву партии в колхоз «Память Ильича».

И вот он шагает, председатель колхоза Гавриил Исидорович Куниин, по мягкому, мокрому живью и говорит задушевно: — Трудное лето, а дела у нас нечетайт край. Колосовых в колхозе много, и тыщты с половиной тысячи гектаров, и хлеб, надо сказать, неплохой: яровой пшеницы, например, мы думаем взять по восемнадцати центнеров с гектара, ячменя — по двадцать пять, а всего зерна должно у нас быть восемнадцать тысяч центнеров. Это не шутка! Но ведь хлеба надо убрать, а вы поглядите, что делается кругом!

Гавриил Исидорович долго всматривается в повитый тучами горизонт: — Никак обаянный дождь не дает развратить работу! Неподдачку от глинобитного домика бригадного стана, за гребнем овражка выстроились комбайны с подборщиками, дафеты, телеги. На колесах мокрых комбайнов — смешанная с соломоу грязь. Полотна сняты и спрятаны от дождя. За комбайнами выстроились культиваторы. Еще дальше, за необранным ячменным полем, виден виброуэр, возле которого расхаживает тракторист и штурвалный.

К председателю колхоза подходит пожилой комбайнер Куликов и неторопливо говорит: — Какое поле! Везде вода, множество душевых кабин, массажные, в том числе и специальные ванны для водного массажа, широко входящего в моду среди спортсменов... 5 августа над новым стадионом зовутся флаги Спартакиады народов СССР. В будущем году он станет ареной очередных всемирных молодежных и студенческих игр. Но стадион в Лужниках задуман и выстроен не только как грандиозное сооружение для наиболее примечательных и массовых состязаний. — это лишь одна его функция. Вторая — и, в сущности, не менее важная — состоит в том, что наша столица получает универсальный комбинат спорта, где смогут одновременно отлажаться любимицы занятий тысячи и тысячами физкультурников. А когда войдет в строй Дворец спорта, время года вообще уже мало чем смогут помешать спортсменам: летом они будут играть в хоккей и заниматься фигурным катаньем на коньках, зимой возьмут в руки теннисные ракетки. Не много существует видов спорта, которыми нельзя будет здесь заняться.

Богатый урожай зреет на полях страны. На юге уборка хлеба уже в самом разгаре. На бескрайних просторах полей день и ночь работают комбайны, тракторы, автомашины. Витая за уром развевается на все более широком фронте. В этом году области и края только Российской Федерации облизались лином пудов зерна. Все сейчас зависит от организованного проведения уборки урожая, которая становится поистине всенародным делом. И в эти решающие дни на помощь колхозникам, рабочим МТС и совхозов идут рабочие молодежь, студенты, специалисты.

Писатель В. Закруткин в публицистическом заметках рассказывает об уборке урожая в одном из колхозов Задонья.

— Часок подождем и будем двигать. Гроза пошла стороной. Ветерок поятянет, и можно начинать. Куниин смотрит на него вопросительно: — А как реми? Не рвется? — Как не рвется! — машет рукой комбайнер. — Одно знаем — латать да шивать их. Прямо не знаю, из какого тряпья на заводе делают эти ремни. Чуть дождик прошел, они, ихние ремни, на портянки свиваются...

Он презрительно тычет носком запянутого чулка в снятый с площадки комбайна брезент: — Можете полюбуйтесь — горе одно! Возле виброуэра тот же разговор. Тракторист Михаил Харитонов и штурвалный Николай Захаров жалуются секретарю парторганизации колхоза Никите Петровичу Фесенко: — Озимка заросла лебедой, вон ее сколько на поле! Валок стал тяжелым, и ремни на ленте лопаются чуть ли не на каждом загоде.

Зарогалий, седеющий Фесенко, бывший учитель, пробует на ощупь намокшие ремни и роняет недовольно: — Да, созвать бы сюда товарищей с завода, чтобы они полюбозавили качеством своих изделий да подсчитали, сколько времени мы теряем на шивание надетого на механизмы тряпья.

НО ВОТ медлительная грозная туча удаляется на северо-восток. Все жарче пригревает полдневное солнце. Над полями полет горячий южный ветер. Остро запахло духовитой пшеничной соломоу. Один за другим трогаются с мест комбайны, виброуэры. Вначале бусука, а потом все более уверенно набирая скорость, двигаются по дорогам грузовики. Прерванная дождем уборка хлеба продолжается.

И все же дождь доставил суутским колхозникам немало хлопот. Впервые колхоз «Память Ильича» применяет на своих полях раздельную уборку зерновых. Дело это новое, а тут еще, как на грех, чуть ли не каждый день льют дожди. Проидет по полю виброуэр, положит за собой валки скошенной пшеницы, хлынет тут ливень, примет эти валки, притиснет их к влажной земле, и уже установленный на комбайне подборщик, как ни оупасай его, не может поднять на хедер низко прибитый дождем валок.

— Вот и приходится вслед за комбайном пускаться конные грабли, забреть их захваченные подборщиком колоски, — говорит Гавриил Исидорович Куниин, — а это, как ни считайте, и лишний расход и потеря времени. — Вы мне разъясните, будьте так добры, — обращается к председателю старик-колхозник, — какая же нам выгода пускаться на одно поле три разные машины — виброуэр этот самый, комбайн да еще и конные грабли — вместо того, чтобы убрать пшеницу комбайном за один заход и получить готовое зерно? Где же тут, извините меня, хозяйский расчет? Где выгода?

— Есть, папаша, выгода, — уверенно отвечает Куниин. — При раздельной уборке мы выгадываем во времени, сохраняем зерно от осыпания, резко сокращаем потери. Значит, все наши труды и расходы окупаются с лихвой. А вам известно, как дорого для нас время...

Да, времени у хлеборобов в обрез. Кроме зерновых, колхоз посеял 800 гектаров кукурузы, 400 гектаров подсолнуха, более 100 гектаров бахчевых, имеет большое семейное хозяйство: семенные участки лука, моркови, кабачков, сладкого перца, огурцов, помидоров, тыквы. Помимо огородов, в колхозе «Память Ильича» большую площадь занимают фруктовые сады, да еще запланирована осенняя посадка фруктовых деревьев на двадцати гектарах. Хозяйство колхоза большое, сложное, рабочие руки давай и давай! И хотя в колхозе семсот трудоспособных, на многих участках не хватает людей, да и механизация здесь не на очень высоком уровне.

— Какой там у нас уровень! — уже сидя в каторе, говорит председатель колхоза. — Тракторов надо не меньше тридцати, а Семикаракорская МТС, которая нас обслуживает, выделила пятнадцать тракторов и заявляет: больше, мол, дать не можем. Другие колхозы огиать нельзя. Вот мы и крутимся с этими пятнадцатью тракторами, как белка в колесе: уборка зерновых началась, а у нас еще половина сена из-за дождя не убрана, кукурузу и подсолнухи надо культивировать, снос закладывать, площадь под новые сады обработать, — пошробуй управиться со всем этим без механизмов!

— К тому же мы разврунули большое строительство, — добавляет секретарь парторганизации Фесенко, — а на нем, на нашем строительстве, ли механизмов, ли стройматериалов. Все делается вручную. Гавриил Исидорович задушевно вертит в пальцах самопишущую ручку, придвигает к себе лист бумаги, набрасывает колонку цифр и говорит с обидой в голосе: — Подумайте сами: горький урок прошлой зимы, когда в колхозе пало много скота, крепко научил нас, и мы запланировали строительство двадцати с лишним объектов — трех коровников, трех волонеров кирпичной кладки, на каменном фундаменте. Кроме того, мельницу, три дома для бригадных станов, детские ясли. Ни леса, ни цемента нам не дали. Подсчитали мы стоимость нашего строительства и попросили кредит — полтора миллиона рублей. Нам же дали всего семьдесят пять тысяч и говорят: теперь ждите, пока все остальные колхозы района не используют полученные ими кредиты.

Голос председателя звучит резко: — Получается непонятная финансовая уравниловка, равнение на худшие, отстающие колхозы. Я, видите ли, должен теперь ждать, пока соседний председатель удоусужит израсходовать выданные им кредиты. Чепуха какая-то! И вот, значит, благодаря нашим мудрым финансистам мы сидим и дожидаемся у моря погоды.

Гавриил Исидорович раздраженно отодвигает лист бумаги: — Строим мы кустарно, без проектов, кто во что горазд. Или выпитесь проект, уплатить за него больше денег, а проектная организация следом же шлет требование: от строительства воздержитесь, мы вносим в проект ряд исправлений. И когда эти исправления не видно. — Нет. Пришла пора, когда мы должны в каждом районе иметь хороших инженер-строителей, знающих сельское хозяйство, особенности местных колхозов. Тогда наше строительство станет ровным с требованиями времени. А так мы вырасываем миллионы денег, — заключает Гавриил Исидорович, — а толку пока не видно, каждый думает, как хочет.

Глянув в окошко, председатель быстро поднимается и на ходу говорит Фесенко: — Поехали, Никита Петрович, вроде распогодилось.

РДЕЮЩЕЙ дымок растаяла на горизонте туча. Солнце светит во всю. И уже на полях началась работа. Отосудую слышится ровное гудение машин. Плынут по золотому хлебоу полю комбайны. Навстречу председателю колхоза «газика» мчаться райкомовская «Победа». Вот автомобили встретились.

Секретарь Семикаракорского района партии Николай Прокофьевич Дергунов задает Куниину короткие, отрывистые вопросы, и тот так же коротко отвечает: — Да-да, косим озимку. И ячмень посеваем. Сено копим. Молоко сдаем по плану. Снос закладываем.

Разговор у этих двух людей лаконичный, даже скуповатый, но видно, что оба они отлично знают все, о чем говорят, и понимают друг друга с полуслова. Мы с товарищем молча слушаем их, переглядываемся и, очевидно, думаем об одном и том же: есть ли в нынешнем году в колхозе «Память Ильича» что-то новое сравнительно с тем, что было в прошлом году? Да, новое есть. Люди стали более требовательны, самокритичны. Они хозяйничают культурнее, тверже. У них растут инициатива, опыт, знание. То, что удовлетворило бы их вчера, уже не удовлетворяет сегодня. Люди ищут лучшее. Они хотят идти вперед и идут вперед.

...Слева и справа жегет хлеба — новый урожай Советского Дона. Не легко будет собрать этот урожай, но он будет обрван! На всех полях кипит сегодня большая работа. Беззаветно, самоотверженно трудятся люди, хозяева своей земли. ХУТОР СУАТ. Семикаракорского района, Ростовской области.

Господство, а не братство

Почти всякая международная конференция начинается с жужжания киноаппаратов, всплеск фото-«блиц» и суетня корреспондентов. Затем представители прессы уходят, унося с собой микрофоны, коптеры и прочую аппаратуру, и тогда делегаты приступают к настоящей работе. Вероятно, так было и на конференции президентов американских стран, проходившей на днях в Панаме. Однако речи североамериканских представителей на конференции в Панаме и их ссылки на «братство» стран Американского континента скорее всего предназначались именно для корреспондентской прелюдии, а не для серьезного рассмотрения делегатами конференции. Эти утверждения вызвали улыбку даже у журналистов, давно привыкших к напыщенному слугу парадных речей. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» в Панаме заметил и следов «братства». Наоборот, он обнаружил в Латинской Америке «замечное недовольство руководством Соединенных Штатов» и услышал «много разговоров о том, что надо положить конец экономической и политической зависимости от североамериканского коллеса». Эти настроения сказались на атмосфере конференции в Панаме.

Официально конференция носила юбилейный характер. Она зывалась в связи с 130-й годовщиной первой панамериканской конференции, проведенной здесь бором за свободу и независимость латиноамериканских государств Симоном Боливаром. Тем не менее далеко не все участники торжества ехали сюда за тем, чтобы продемонстрировать «образец братства». Для представителей стран Латинской Америки куда важнее были экономические проблемы. К ним в первую очередь относятся такие жизненно важные вопросы, как ликвидация торговых барьеров, установление справедливых цен на сырье и продовольствие, вывозное в США, получение экономической и технической помощи, не связанной никакими кабальными условиями.

Что происходит на деле? Возьмем для примера американскую экономическую помощь Бразилии. На протяжении десяти последних лет она исчислялась примерно двумя миллионами долларов в год. В то же время только в прошлом году монополия США получила здесь 108 миллионов долларов прибыли. Таким образом, на каждый вложенный доллар бразильцы должны были уплатить свои 54 доллара! А ведь Бразилия — не исключение. Не меньше прибыли за так называемую помощь получают монополии США в Венесуэле, Чили, Перу и других странах. Да и предоставляемая «помощь» большей частью поступает из США в виде вооружения устаревших образцов.

Не случайно американская газета «Сан», комментируя панамериканскую конференцию, вынуждена была признать, что «США не пользуются любовью у Латинской Америки... В экономической области, пишет газета, латиноамериканские страны твердо намерены отказаться от зависимого положения, в котором они находились со времен конкистадоров».

Усилия латиноамериканцев, направленные к развитию промышленности и сельского хозяйства, наталкиваются на сопротивление монополий США. Американские монополии хотят, чтобы страны Латинской Америки оставались сырьевыми придатками США. Об этом, в частности, свидетельствуют и итоги панамериканской конференции. Представители США не допустили обсуждения ни одного вопроса, интересующего латиноамериканцев. Американская газета «Кристенсен сайенс монитор» предсказывала, что «наибольшим достижением совещания будет то, что Эйзенхауэр и президенты латиноамериканских стран пожут друг другу руки... Действительно, дальше этого дело не пошло. В принятой декларации практически обобщены все экономические вопросы. Но зато в ней много говорится о свободе, демократии, братстве».

Как иронически звучат эти слова декларации, которую подписали диктатор Венесуэлы Перес Хименес, Парагвая — Альфредо Стресснер, Никарагуа — Анастасио Сомоса, Кубы — Фульхенсио Батиста, Гватемалы — Кастильо Армас и правители других стран, где царят грубый террор и преследования! Тысячи политических заключенных томятся в застенках Венесуэлы, Гватемалы, Пуэрто-Рико и других стран. Если это называется «свободой», то же считать беззаконием? Однако существующие в некоторых странах Латинской Америки диктаторские порядки не только не осуждаются в США, а напротив, поддерживаются и насаждаются там, где их еще нет. Вот почему мексиканский журнал «Семпре» имел все основания заявить, что «одной из худших сторон политики нашего северного соседа является поддержка всех реакционных сил в Латинской Америке... Это делается, — подчеркивает журнал, — для того, чтобы подвигать всякий прогресс и любое справедливое усилие, направленное на изменение социальных условий жизни и защиты законных интересов Латинской Америки».

Итоги Панамской конференции свидетельствуют о том, что США намерены и впредь проводить по отношению к странам Латинской Америки ту же политику, какую они проводили на протяжении десятилетий. Как ее ни называть — политикой «большой дубинки» или политикой «кнута и пряника», — суть от этого не изменится. Американские монополии намерены попрежнему мешать промышленному развитию этих стран, не допуская, чтобы государство Латинской Америки развили взаимовыгодную торговлю с другими странами. А тем временем дельцы Уолл-стрит под шумок будут захватывать различные отрасли экономики стран этого континента, получать на эксплуатации латиноамериканцев и их природных богатств сказочные барыши.

Хозяйничание монополий США в странах Латинской Америки вызывает растущее недовольство широких слоев общественности этого континента. Показателем отторжения Латинской Америки к так называемому «уководству» США могут служить недавние выборы в бразильском парламенте. Выступивший на заседании лидер большинства, член социал-демократической партии Вилейда де Мелло потребовал, чтобы Бразилия в своей внешней политике отмежевалась от США. Мелло поддержали многие другие депутаты конгресса. Подобная же критика раздается и в других странах. Попытка правящих кругов США на панамериканской конференции сгладить эти противоречия не дала результатов...

В. АНДРИАНОВ

ЛОНДОН

Килхэму Робертсу, генеральному секретарю Общества писателей

От имени советских писателей сердечно приветствуем английских писателей, собравшихся, чтобы отметить столетие со дня рождения Бернарда Шоу. Произведения этого выдающегося писателя хорошо известны миллионам людей в нашей стране. Пьесы Шоу с неизменным успехом идут в театрах Советского Союза, велик вклад, внесенный им в сокровищницу мировой литературы.

Мы искренне надеемся, что празднование юбилея Шоу будет способствовать сближению деятелей культуры Англии и СССР во имя мира и дружбы между народами.

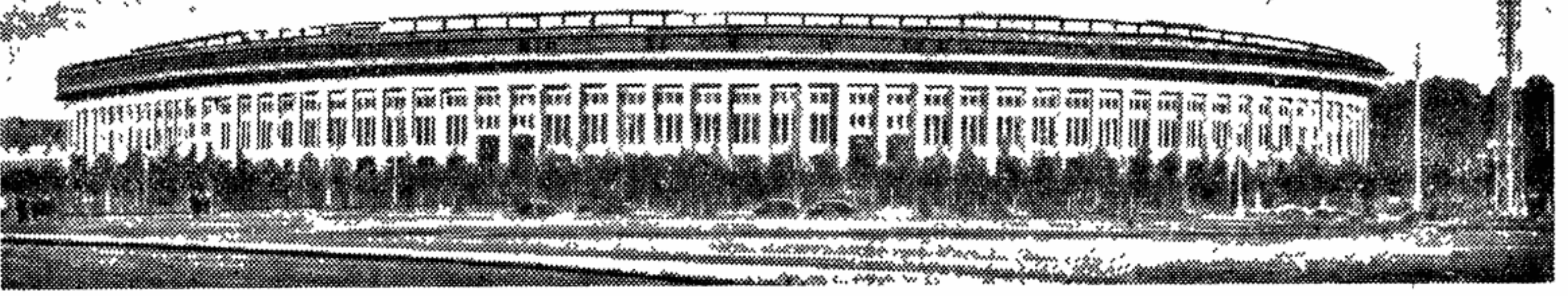
К. ФЕДИН, Н. ТИХОНОВ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН, А. СУРКОВ, К. СИМОНОВ, Б. ПОЛЕВОВ.

ГОСТЬ СОВЕТСКИХ ПОЛЯРНИКОВ

Имя пионера полярной авиации Яна Иосифовича Нагурского широко известно в нашей стране: в 1914 году, будучи летчиком русской морской авиации, он совершил первые полеты в Арктику на управляемом аппарате. 23 июня, в канун Дня Воздушного флота СССР, в нашей газете была опубликована беседа, в которой Я. Нагурский выразил свое заветное желание побывать в Советском Союзе, познакомиться с прославленными полярными летчиками. Командование полярной авиацией Главноуправляющий пригласило Я. Нагурского с супругой посетить Советский Союз. Из Варшавы, где живет ветеран арктических полетов, пришло сообщение, что это приглашение супруги Нагурские приняли с благодарностью. Прибытие гостей в Москву ожидается в конце июля. Предполагается, что чета Нагурских проведет несколько дней в столице, посетит Ленинград и Одессу, а затем совершит путешествие в Арктику, на остров Диксон. Там гости ознакомятся с работой и бытом советских полярников.

Я. И. Нагурский

На снимках: главная арена — трибуны (наверху) и внешний вид (внизу). Фото А. Лепкина

700 тонн нефти ежедневно спускается в реки

Так доложил представитель Министерства нефтяной промышленности СССР В. Кушелев на закончившейся на днях Всесоюзной конференции по борьбе с загрязнением водоемов сточными водами. Приведя множество цифр и примеров, докладчик убедительно показал, какой огромный ущерб наносит загрязнение водоемов.

К сожалению, тревога, которой был пронзавлен доклад, не чувствовалась в других выступлениях.

Пять дней длилась эта конференция. Десятки ораторов поднимались на трибуну. Но ни один из них не сказал о том, какой урон рыбным богатствам страны наносит антисоветская практика руководителей некоторых нефтяных заводов и промыслов.

Докладчик сообщил также, что нефтеперерабатывающие заводы и промыслы страны ежедневно сбрасывают в водоемы страны свыше полтора миллиона кубометров загрязненной нефтяными и химическими продуктами воды. Это ухудшает санитарные условия в прибрежных городах и селениях и приносит большой ущерб рыбной промышленности.

Единственным средством борьбы со спуском нефтепродуктов в сточные воды считаются так называемые «ловушки». Как показала практика, эти очистные сооружения задерживают лишь часть нефтепродуктов. Между тем давно известны более эффективные средства очистки — пруды-отстойники, кварцевые фильтры и др., но о них пока все еще только говорят.

Однако даже элементарным «ловушкам» на нефтеперерабатывающих заводах должное внимание не уделяют: средства, отпускаемые на строительство очистных сооружений, как правило, не освоятся; в нынешнем году из 62 миллионов рублей за 5 месяцев освоено только 16,5 миллиона...

Даже там, где уже построены очистные сооружения, они зачастую плохо эксплуатируются, особенно на предприятиях Башкирии, Кузбасской области и др. На конференции приводились такие факты: на одном из промыслов Азербайджана «ловушками» управлял филолог, на газослесобкомбинате — шофер...

Малоутешительную картину строительства очистных сооружений нарисовал в своем выступлении заместитель министра строительства предприятий нефтяной промышленности СССР А. Тихонов. Но картина эта — плод беспечного отношения самих же проектировщиков и строителей к борьбе с потерями нефти.

Раскалывалось обо всем этом в эпически спокойных тонах. Нефтяники явно не привыкли уделять должное внимание этому вопросу. Очистка сточных вод для них, видимо, обуза, и только.

Характерно выступление главного инженера Уфимского нефтеперерабатывающего завода Т. Селиванова. Он довольно решительно заявил, что на конференции была нарисована «розовая» картина, что на деле все гораздо хуже.

Подобные конференции собираются не впервые. Те же самые вопросы обсуждались почти теми же участниками пять лет назад. И тогда были приняты непопулярные решения, но положение не улучшилось, а ухудшилось...

В шестой пятилетке добыча нефти почти удвоится. Количество воды, используемой нефтепредприятиями, возрастет в три-четыре раза. Следовательно, задача уберечь водоемы от сточных вод становится еще острее.

Никане заклинания тут делу не помогут. Надо лучше эксплуатировать существующие очистные сооружения, больше и быстрее строить новые.

Л. ЛУБАН

ИСТОРИЯ ОДНОГО УСЫНОВЛЕНИЯ

Ирина СЕГЕДА, спецкорреспондент «Литературной газеты»

КАК бы хорошо ни жилось в детском доме, каждый воспитанник — если даже он совсем не помнит своих родителей — все же завидует тем, у кого есть свой дом. И так понятна тяга ребенка к семье, так естественна его потребность в родительской ласке и заботе, что работники детских домов и органов народного образования всегда охотно идут на предложения усыновить сироту.

Очень гуманное, поистине благородное это дело. И люди, которые идут на этот ответственный шаг, неизменно вызывают к себе заслуженное уважение. Поэтому вполне понятно, какое хорошее впечатление произвела на работников Харьковского областного отдела народного образования солидная супружеская чета, явившаяся в облюбованную по запрошеному году с просьбой разрешить им удочерить девочку.

Супруги жили в Сочи, где имели отдельную квартиру. Муж — заслуженный человек, получающий солидную пенсию, Василий Николаевич Суцик, член партии, жена Вера Илларионовна — домашняя хозяйка, энергичная, цветущая женщина. В Сочи не удалось найти девочку восьми-девяти лет, и они приехали в Харьков, где жил их восьмилетний сын.

С посетителями провели беседу, ознакомили с правами и обязанностями усыновителей, и, когда они вскоре снова приехали в Харьков с необходимыми документами, им немедленно дали направление в детский дом одного из городов области — Кулинска.

В детском доме супругов встретили очень хорошо. Познакомили их с несколькими самыми примерными воспитанниками, в том числе и с Валей Василевской, сиротой-подкидышем. 1945 года рождения. Девочка хорошо училась, отличалась скромностью и трудолюбием. Единственной чертой, которая могла в Вале не понравиться, была некоторая замкнутость.

По просьбе усыновителей, Вадю убедили в том, что она их родная дочь, потерявшая в дороге в раннем детстве. Валин отъезд отразился торжественно. На вечер, устроенный в детском доме, пришли представители общественности Кулинска, соседи, живущие рядом с детдомом. Было сказано много возвышающих слов о благородстве поступка супругов Суцик.

Гордая, с радостью уезжала Валия Суцик в Сочи — домой, с папой и мамой!

А меньше чем через год в детский дом пришло два письма — от мужа и от жены Суциков, в которых говорились, что Валия отравилась в детском доме — лентянкой, грубнянкой, упрямичкой, что детский дом обманул доверчивых людей, «подсунув» им испорченную девочку, что ее немедленно должны взять обратно, иначе граждане Суцик будут жаловаться.

В Сочи срочно был послан сотрудник детского дома, который и привез растерянного, стыдящегося посмотреть на своих старых товарищей и воспитателей, замкнувшегося в своем горе Вадю.

Сейчас девочка, окруженная теплотой и вниманием, постепенно приходит к себе. Она попрежнему хорошо учится, образцово себя ведет, участвует в общественной жизни коллектива. Только иногда в разговорах не вспоминает своих родителей и на рассказы о них не отвечает.

Мне захотелось уточнить некоторые детали этой истории. В Харькове, приехав в облюбованную, сразу же наткнулся на полного, представительного, нестарого еще человека. Сидя в кабинете заместителя заведующего, он поминутно вытирал платком влажное лицо и голову и, явно волнуясь, подробно рассказывал ему о несправедливых обидах и наказаниях, которым подвергся. Человек этот оказался Василием Николаевичем Суциком.

Он то просил, то начинал требовать описать с него «платно». Оказалось, ему вынесли строгий выговор по партийной линии, и все, по его словам, из-за его врагов — соседей, которые, придравшись к случаю с Валей, задумали свести с ним старые счеты. Соседи не платили за воду, сдавали свои квартиры курортникам за

плату, превышающую установленную, и допускали еще массу отклонений от норм общности, — он же, Суцик, всегда стоял на страже законности, и за это его не любили. А Валия — что же такое особенное с ней случилось: она оказалась плохой; если в детском доме говорят, что она хорошая — значит, там ее умели лучше воспитывать. Пусть и живет в детском доме. Он, Суцик, отпустил и ее и прехватил у за сотрудницу детского дома на свой собственный счет, позволил девочке забрать все вещи и игрушки — за что же он теперь страдает, несет позор? (Позже выяснилось, что позором Суцик считает, главным образом, алименты, которые по решению суда ему вот уже второй месяц приходилось платить за содержание Вали).

И терпеливо слушала: не выяснив всех обстоятельств, нельзя было делать никаких выводов.

И только побывав в Кулинском детском доме № 3, увидев своими глазами Вадю, поговорив с ней и воспитателями, я начала убеждаться в той лжи, которую взрослые люди обилили ими же обожженного ребенка, только для того, чтобы выговорить себя, оправдать свою несправедливую безответственность.

Карегазая девочка с милым, застенчивым лицом, не преждевременно развивавшаяся девочка, какой рисовал мне ее Суцик, а нормальная однанадцатилетняя девочка, сдержанно, но охотно рассказывала о своей жизни в Сочи. Иногда она называла Суциком папой и мамой, но чаще говорила просто: они, она. Валия не отрицала, что, случалось, грубила матери, не слушалась ее, но почему — объяснить не стала.

В общем, не надо быть тонким знатоком детской души, чтобы понять, какую глубокую душевную травму нанесла девочке. И то может поручиться за то, что жестокая, ничем не оправданная обида не подорвала в хрупкой детской душе веру в людей?

...Возвращаясь из Кулинска мне пришлось вместе с Василием Николаевичем Суциком — так уж оказалось, что и приехал он вслед за мной, и в Кулинске все время интересовался моими впечатлениями, и уезжал со мной одним поездом.

Сидя в лениво движущемся вагоне, я, с трудом сдерживаясь, слушала жалобы суетливого соседа на плохое здоровье (уж который раз ему, при его болезнях, приходится ездить в Кулинск), на козни все тех же соседей. И всю дорогу Василий Николаевич предпринимал предосторожности против кражи — то ставил свой чемодан у ног, чтобы все время его ощущать, то, когда я возвращалась от окна в тамбуре, с тревогой спрашивал, все ли цело в оставленной мной сумке, а то хотел повесить шляпу на крюк, да раздумал: в отверстие над верхней полкой могут просунуть руку. Так и ехал всю дорогу в фетровой шляпе, невзирая на вагонную жару.

В Сочи я нашла новые подтверждения того, что супруги Суцик совершили действительно жестокий, безразличный поступок.

Взяв девочку из чисто эгоистических соображений, как развлечение для своей скучающей супруги, солидный человек не сумел или не захотел защитить ребенка от придирок и припадков взыскательной, привыкшей во всем командовать жены. А жена, найдя, наконец, применение своей энергии, рыло завляла за «воспитание», считая, очевидно, что воспитывать — значит предъявлять к ребенку бесконечные требования, не давая ему свободно дышать.

А когда выяснилось, что Валия не может стать послушной игрушкой, от нее решили отделаться...

То, что позволили себе супруги Суцик, — для этих людей не случайность. Бесконечные илуды и доносы на всех окружающих принесли Суцикам и добрую славу. Все, что их знает, — соседи, знакомые, члены партийной организации, где состоит на учете В. Н. Суцик, работники горкома партии, — в один голос характеризуют супругов, как людей эгоистичных, вздорных, с собственнической психологией.

И чем больше народу говорило мне об этом, тем настойчивее возникал вопрос: почему же таким людям дали девочку? Ведь даже если бы Суцики не отказались от Вали, где гарантия, что ее не искалечили бы морально? Непростительно, прежде чем отдавать ребенка, не спросить мнения об усыновителях у тех, кто их хорошо знает. Ведь, назалось бы, так очевидно необходимость этого!

Оказывается, работником Харьковского обкома и членом опекунского совета при Кулинском горисполкоме ввели в заблуждение благополучные внешние данные, характеризующие В. Н. Суцику. Заслуженный человек, член партии — все это само по себе настолько успокаивало, что у него не потребовали даже элементарного — характеристики. А ведь тут и обычной характеристикой мало: надо знать характер людей, их душевные качества, поведение в общности. Как же можно было забыть, что от всего этого зависит воспитание ребенка, а значит, и его судьба!

Случай, который произошел, заставляет серьезно задуматься над существующей системой усыновления. Инструкции министерств просвещения требуют актов тщательного обследования материальных условий усыновителей, проверки того, могут ли они правильно воспитать ребенка.

Однако всегда ли выполняются эти инструкции? Выясняется, что иногда на воспитание ребенка заслоняет от работников органов опеки вопрос о реальных возможностях этого. И тогда делается «исключение» — такое, как сделали для Суцики.

Иногда проверка личных качеств человека сводит к требованию представить производственно-общественную характеристику, выдаваемую, скажем, местным комитетом профсоюза. Чаще всего в такую характеристику пишут о том, что товарищ — хороший производственный, коммунистический работник. А всегда ли эти качества по себе хорошие, качества совпадают с положительными душевными, человеческими качествами? Ни для кого не секрет, что бывает это не всегда. Значит, нельзя поручиться за то, что ребенок в такой семье получит правильное, полноценное воспитание.

Потому всегда, без всяких исключений, органы опеки должны точно знать, что представляют собой люди, желающие усыновить ребенка. Очевидно, органам народного образования в этом сложном деле, требующем не только ума и сердца, но и времени, трудно обойтись только собственными силами. Очевидно, на помощь должна прийти общественность, в первую очередь существующие при органах опеки общественные инспекторы охраны детства.

Во всяком случае ясно одно: нужна система, гарантирующая от случаев, подобных тому, который произошел с Валей Василевской.

Товарищи из Харьковского обисполкома, занимающиеся делом, о котором я рассказывала, считают возможным дать В. Н. Суцику право обратиться в суд для расторжения акта удочерения. Что же, может быть, суд поступит правильно, если снимет с этих людей право называться родителями Вали. Да и вряд ли стоит девочку после всего случившегося носить фамилию Суцик. Но никак не следовало бы, думаю, освобождать В. Н. Суцику от обязанности платить алименты — ведь не освобождается же от этого люди, лишенные судом родительских прав. Это — тот же случай, ибо по существующему закону усыновитель принимает на себя все обязанности родителей.

ФЕЛЬТОН В защиту песни

В минуту высокого вдохновения поэт скажет: «Любовь с хорошей песней схожа, А песню нелегко сложить. Да, песню сложить нелегко. Не сразу поэт находит яркий образ и нужное слово, новый ритм и свежую рифму. Сколько труда и творческих мук вложено в хорошую песню, знает лишь тот, кто ее создал, и тот, кто на крыльях музыки бросил «то слово на ветер, чтоб ветер унес его вдали».

Но есть люди, которым невдомом трудные дороги поисков. Люди, которые не завоевали права говорить о себе: Извольши, одного слова ради, тысячи тонн словесной руды.

Марк Геллер, по всей вероятности, считает себя поэтом-сатириком. Но зачем ему томиться в творческих муках? Не прошле ли подложить, пока, к примеру, «Школьный вальс» Михаила Матусовского станет популярным. Вот тогда можно будет пожинать.

А ну-ка, разберемся, о чем это пролепел поэт — говорит Геллер, разложив перед собой текст вальса: «Здесь десять классов пролепел, и здесь мы слово «Родина» впервые прочитали по складам». Так, так... Нам это подходит, но мы это переделаем по своему, товарищ поэт... И вот уже набитая рука сатирика-ремесленника быстро выводит:

У школы, словно взрослые, Мальчишки с папирозами Сидят и дым пускают по небесам... На надпись озвучается: «Курят здесь воспеваются», — Впервые прочитали по складам.

— Так, так, «старая учительница», — продолжает дежурный сатирик. — Значит, «любимые твои ученики... летят путями звездными, плывут морями грозными...»

Увы, над танцплощадкою Сверкает черной пяткою Любимые твои ученики.

Эти безграмотные, пошлые строки накладываются на эстраду. Именно сюда поставляют свою продукцию Марк Геллер и многие другие дежурные сатирики.

Ряд красной словеса они не жалуют ни матери, ни отца. Что из того, что иной поэт написал хорошую песню о материнской любви, сила которой помогла детям обречь свою любовь, свою семью. Ремесленники от эстрады мигом повернут песню так, что мать воспитает сукнина сына — хулигана, кутулы и вора.

Что из того, что поэт создал песню, герой которой полон любви к своей столице, «которой он ни разу не видел»? «Ва, хороший рефрен!» — восклицает дежурный сатирик и обнажает автору кулак. Как легко «творить» на готовом материале! И тут сами собою ложатся на бумагу строки об агрономе, отправленном из канцелярии сеять пшеницу, которой он ни разу не видел, о белом отце, наконец, развлекшем и начавшем платить алименты детям, «которых он ни разу не видел».

Дежурные сатирики, и в первую очередь сами исполнители называют подобные переделки пародиями. Но при чем здесь пародия и на что пародия? Пародию пишут с целью подчеркнуть и осмеять слабые стороны литературного произведения. Это очень трудное, тонкое искусство, и владеют им немногие. Нам приходит на память вечер, на котором вместе с поэтами выступал знаменитый пародист Архангельский. Помните, передавая ему поэтический эстафет, поэт Уткин сказал:

— А теперь послушайте мои стихи в комментариях Архангельского. Он пишет Уткину лучше, чем сам Уткин... Вот это признание таланта пародиста! В данном же случае речь идет не о пародии, а о самой откровенной спекуляции на подлинно народных или признанных народом песнях в целях якобы обличения недостатков.

Запрещенный ли это прием сам по себе? Нет. Не жалко отдавать в перелицовку то, что само по себе, будучи популярным, не является дорогим сердцу людей. Пусть это будут жестокие романы, шуточные песни, арии из оперетт. Не жалко, если к тому же автор сумеет сделать по

готовой схеме острый и злободневный материал. С нашей точки зрения, это обычно удается Илье Набатову. Но и этому артисту эстрады и автору подчас изменяет чувство меры.

«Раскиснулось море широко...» Кому не дорога эта народная, воскрешающая трагическое страданию нашего прошлого песня? И непонятно, как мог Набатов переделать именно эту песню. Вот как «по-новому» зазвучала она у Набатова:

На палубу вышел один репортер, Что прибыл из-за океана, Доставил очки, их платочком протер, Хихикая вслух беспрепятно, На шлюзы взглянул, поглядел на канал, В глазах у него помутилось... Как видно, каналом канал доконал! Упал. Сердце больше не билось.

Вот, оказывается, какие ассоциации вывала у Набатова полная сурового драматизма картина смерти замученного каторжником трудом кочегара, картина из любимой народом и созданной им песни.

Перелицовки песен буквально захлестнули эстраду, стали чуть ли не единственным, что представляет в ней сатиру. И если хотя бы в какой-то мере не ограничить переливошников, они не останутся ни перед чем. С еще большей развязностью будут они наступать на горло чужой песне, обижаясь на чудное оперение, обрывать в шутовской наряд, заменять ее искривленной, сердечный голос своим фальшивым.

— Мы понимаем, что это очень плохо, но ничего не можем поделать с этим, — признаются товарищи, контролирующие репертуар эстрады с высот Министерства культуры. — Мы только защищаем классиков от таких пародий.

Но, оказывается, и классики не находятся под надежной защитой. Сейчас на эстраде можно увидеть такую сценку: у театральной кассы стоит Чацкий (артист Н. Рыкунин). Он читает знаменитый монолог, в котором дежурный сатирик А. Балашов так «освежил» А. Грибоедова (надежда, классика бесспорно):

Не образумьтесь... виноват, И слушаю, не понимаю! Легко достать билет во МХАТ, И в Малый толп не замечаю...

А дальше, как по маслу: «и в Главискусстве беспокойство: наличие свободных мест весьма мучительно свойство; и главные, ставящие «на роли молодые старух злобещих, стариков»; затем «за театры и кино я больше не езжу» — до конца монолога по Грибоедову («Карету мне, карету!») с заключительной репликай А. Шурова: «в венгерскую поехал оперетту!».

Вряд ли «облабывание» такой сценки на эстраде можно назвать хорошим отношением к классикам.

Разговор в защиту песни нам хотелось начать давно. Однако непосредственным поводом к этому послужила недавняя корреспонденция в «Комсомольской правде» под заголовком «Из цеха на сцену, со сцены в цех». В ней заслуженно дана хорошая оценка работе одной заводской художественной агитбригады. Но мы не можем согласиться с тем, что удачна такая переливочка одной из полюбившихся народу песен «Где же вы теперь, друзья-однополчане?».

Летними погожими денками Отгревет десятком топором, Новые ворота — полюбуйтесь сами! — Сделал нам товарищ Межегов.

И далее все в том же духе: «Где же вы теперь, три-ляпаете снова, дорогой товарищ Межегов?»

Хорошо это или плохо? Газета пишет, что это сделано «гневно, остро, с тонкой насмешкой и хорошим юмором». Мы позволим себе в данном случае не согласиться с уважаемой нами газетой. Нам кажется, что это плохо.

Но вряд ли в этом можно серьезно винить участников агитбригады. Они взяли пример с эстрады. К сожалению, с той эстрады, на которой из-под подлинно поэтической одежды хорошей песни столь часто сверкают черные пятки шустрого переливошника.

В. КРУГЛОВ

ТВОРЧЕСКАЯ ТРИБУНА

Инициатива писателя

С. ШТУТ

Потребность в серьезном, обстоятельном, откровенном разговоре о всех недостатках нашего литературного дела сейчас остра, как никогда. Не потому, что именно сейчас эти недостатки особенно велики. Но потому, что сейчас они особенно заметны. И еще более потому, что сейчас они реально преодолимы.

С чего же начинать борьбу с ними? С самого главного: с мобилизации сил на эту борьбу. Это значит, что прежде всего надо активизировать творческую энергию писателя. Ведь именно она — важнейший движущий нерв искусства; и ведь именно она в наибольшей степени испытана на себе иссушающей, обеспложивающей печать культуры личности.

Вот почему так важно постараться расшевелить те предубеждения, которые окружают понятие творческой индивидуальности. Они начинаются, как это ни странно, с того, что сама необходимость своеобразия писателя берется некоторыми под сомнение. Так, В. Назаренко в своей статье «Оригинальность и жизнь» («Новый мир», № 9 за 1955 год) резко возражает против превратного представления, «будто оригинальность таланта является изначальным и, так сказать, пожизненно неизменным качеством».

Он убежден в обратном — в том, что просто «нельзя прийти к характеристике индивидуального стиля, не одержав долгого ряда побед в глубоком и правдивом отражении жизни». Я не буду придираюсь к фактической неточности этого утверждения: есть множество бесспорных примеров выдающейся характеристики индивидуального стиля, достигнутой едва ли не в первой (а иногда и единственной) книге. Я останавливаюсь в стороне и его весьма спорную притягательную поделозность: вряд ли так уж необходимо впадать молодым писателям мысль о прямо-таки роковой невозможности создать оригинальное произведение, не одержав предварительно «долгого ряда побед». Мне важно сейчас другое: если оригинальность приходит к писателю много

поздого (после «долгого ряда побед») и если до прихода ее писатель все же был писателем (в качестве кого же иначе одерживал эти многочисленные победы), значит, можно оставаться писателем, — и даже неоднократно побеждавшим, — и не обладая творческой индивидуальностью. Своеобразие, выходит, совсем не обязательно для художника. Просто бывают разные литераторы: брютные и блондины, высокие и маленькие, своеобразные и несвоеобразные.

Но так ли это? Писатели всех эпох, всех стран, всех взглядов, всех стилей думали иначе. Расходясь в понимании очень важных эстетических проблем, они неизменно сходились в одном: в своем признании определяющей роли своеобразия. «Важно в литературном... таланте... то, что я решился бы назвать своим голосом. Да, важен свой голос. Важны живые, особенные, свои собственные ноты, каких не найдется в горле у каждого из других людей» (И. С. Тургенев); «В искусстве самое главное — сказать что-нибудь свое...» (Д. Н. Толстой); «Об оригинальности мы не говорим: она то, что талант, — по крайней мере без нее нет таланта» (В. Г. Белинский). Далее не полный список таких высказываний может составить целые тома. Но общий смысл их остается неизменным: для всех писателей вопрос о своеобразии — это не вопрос о том, каким быть художнику, а вопрос о том, быть ли ему вообще.

«Не подражай: своеобразен гений и собственным величием велик...» (Баратынский) — это не совет, как лучше работать; это заповедь единственно возможной для писателя работы.

Итак, несомненно двух взглядов разительное. И главное — более глубокое, чем может показаться поначалу. За ним стоит резко различное понимание самой сущности своеобразия. Если бы мы, соглашаясь на минуту, что бывают художники своеобразные, а бывают и несвоеобразные, задались бы вопросом, что же лучше — быть своеобразным или быть несвоеобразным, то столкнулись бы с весьма любопытными ответами.

Еще совсем недавно встречались критики, склонные все индивидуальные черты писателя попросту отождествлять с черта-

ми отрицательными. «Пролеткульты не говорят ни про «я», ни про личность. «Я» для пролеткульты все равно что неприличность» (В. Маяковский). Именно так, как «неприличность», воспринималось теми критиками авторское «я». И поэтому все ценное в советской литературе ни объясняли общими преимуществами социалистического реализма, а все плохое в ней относили за счет индивидуальных особенностей писателя: натуралиста в одном случае, жеромантика — в другом, формалиста — в третьем и т. д. Своеобразие художника при таком подходе возникало лишь как своеобразное его заблуждение, и, соответственно, все различные творческие индивидуальности сводились к различным вариантам равно неверного по существу решения. Это разоблачительно, вульгарно-социологическое в своей основе, понимание творческой индивидуальности в самые последние годы стало непопулярным. Зато участились статьи, в которых нет безудовольного отрицания своеобразия, как зла, но нет и безоговорочного признания своеобразия, как блага. Стронники такой компромиссной точки зрения предпочитают вообще отказаться от единой, общей для всех случаев оценки творческой индивидуальности. «...Своеобразие может стать и силой художника и его слабостью, его пиротом и его устоями», — пишет, например, З. Богуславская в статье «Своеобразие писателя». Оно — сила, если «субъективный» взгляд писателя на мир... помогает... осветить объективный ход окружающих явлений» (З. Богуславская, «Литературная газета», № 137, 1955). Оно — слабость, если не открывает нам этой объективной правды. «Нельзя отказываться в своеобразии, предположив, Ф. Сологубу или И. Северянину, да нет за ними правды жизни, и потому греш цена их своеобразию» (В. Назаренко). Конечно, если понимать своеобразие так, оно и впрямь совсем не обязательно. Ведь когда за ним нет правды жизни, оно в лучшем случае излившие, а скорее всего даже опасно. А если правда жизни в книге уже есть, и есть наземно от своеобразия (вспомним, что «долгий ряд побед в глубоком и правдивом отражении жизни» возможен, по мысли В. Назаренко, до своеобразия), то какой же смысл тогда в этой запоздалой «помощи субъективного взгляда на мир»?

Но в том-то и дело, что, столь безоговорочно отставив обязательность своеобразия, все подлинные писатели исходили из другого представления о нем. Почему они не боялись неправды, которая вторгается в искусство вместе с творческой индивидуальностью? Да потому, что они говори-

ли не о всякой, а именно о творческой индивидуальности. Человек, абсолютно неспособный решить элементарную математическую задачу, может быть очень яркой индивидуальностью, но своеобразным математиком его нельзя назвать по той простой причине, что он вообще никакой не математик. То же самое и в искусстве. Разумеется, писатель, как и любой человек, не свободен от слабостей, и, разумеется, эти слабости каждый различны. У одного — это была вера в просветленного монарха, у другого — симпатия к осужденному на вымирание классу, у третьего — увлечение филантропией, у четвертого — непотопление аду, и т. д. Но не эти слабости, хотя они и резко индивидуальны, составляют сущность творческой индивидуальности. Нет, только преодолев их власть, можно выполнить основную задачу искусства — сказать правду о мире; и только выполнив эту задачу, можно стать писателем, а значит, и обрести писательское своеобразие. И, наоборот, изменив правду — главному назначению искусства, писатель с почти автоматической неизбежностью лишается и своего таланта, а вместе с ним и своеобразия. «Как только художник захочет отворнуться от истины, тотчас же станет бездарен...» — говорил Достоевский. «...Когда человек все отдается лжи, его оставляют ум и талант», — говорил Белинский. И справедливость этих слов хорошо подтверждает тем самым примером, к которому обращался В. Назаренко. «Магическую» силу воздействия Северянина он видит в «субъективно-бульварно-парфюмерно-дизнически-сентиментальной» форме его стихов, обещающей «дику», возведенную в предмет любования «пошлостью». Значит, лжи пошлого содержания и соответствующей ей столь кратко и просто охарактеризованной критикой формы вполне достаточно, чтобы назвать такого «творца» поэтом и даже своеобразным? Но Маяковский, как известно, был иного мнения о Северянии. Он отгадывал Северянину не только в яркости поэтической индивидуальности, — «серьезный... как перепел», — но и в поэтической индивидуальности вообще: «Как вы смеете называться поэтом...». И если уж искать у Северянина своеобразия, то не в «дикий пошлости» его стихов — она попросту вне поэзии, а в тех крупящих найденной им правды — правды природы, любви, задушевной меланхоличности стиха, которая единственно способна открыть художнику двери искусства.

Но, отказывая в поэтическом своеобразии всему, что не есть правда искусства, мы обречены с великим тщанием избегать всяческого упрощения и вульгаризации. Иста-

на в искусстве широка. Она включает в себя и романтику, и мечту, и фантазию, и выдумку. Истина в искусстве — сложна. Она бывает бедной, противоречивой; она соседствует с заблуждениями; она сопротивляется субъективной ограниченности художника, изымаем огульного политического и философского мировоззрения; иногда она побеждает их полностью, иногда частично; нередко она выходит из таких схваток сильно израненной. Но даже израненная и окровавленная, она все-таки истинна. И не просто истинна, а истина открытия, или, что то же самое, открытие истины. Вот эта способность открыть неведомую никому ранее правду жизни и оставляет самую сердцевину творческой индивидуальности. Так как же можно опасаться ее, как же можно сомневаться в том, что своеобразие творца — всегда правда, а не ложь, всегда зренье, а не слепота, всегда его сила, а не слабость. И как мало еще мы ценим эту могучую силу! Правда, в последнее время интерес к творческой индивидуальности возрос.

Правильные и плодотворные мысли о сущности и значении индивидуального стиля содержались в прочитанном в Институте мировой литературы (конец 1954 года) докладе профессора Д. Тимофеева и некоторых выступлениях по его докладу (Б. Рюрикова, Е. Тагера и др.). С острой и убедительной речью в защиту писательского своеобразия выступил на страницах «Литературной газеты» И. Сельвинский («Наблевательский» вопрос). В интересной статье П. Громова «Своеобразие содержания» («Звезда», № 8 за 1955 год) хорошо показана на объективном и конкретном сопоставлении двух романов — «Русский лес» Л. Леонова и «Искатели» Д. Гранина — новаторская роль своеобразия писательского замысла, открывающего читателю новую и своеобразную сторону жизни. Наконец, интересные мысли высказаны и В. Назаренко в тех разделах его статьи, которые посвящены «хорошему» своеобразию. Но и в этих работах недостаточно подчеркнута та функция своеобразия, которая особенно подспрадала в годы культуры личности. Оригинальность литературного произведения возникает из многих составляемых. Созданный художником образ мира всегда несет отпечаток личности автора, неповторимых особенностей его темперамента, строя мысли, поведения, судьбы. И в невообразимом разнообразии людских характеров, натур — реальный источник такого своеобразия в искусстве. Но это, идущее как бы от биографии художника своеобразия далеко не единственное и, быть может, даже не самое ценное проявление творческой индивиду-

альности. Чаще всего, выражая свое «я», художник отнюдь не замыкает себя границами своего «я». Напротив: «трудно и строго искусство, как оставаться собою; много труднее вопрос, как убежать от себя». И очень важно, что, «убежав от себя», художник не только не утрачивает ничего в своей творческой индивидуальности, а неизмеримо усиливает ее. Но усиливает по-другому. И Гоголь в «Мертвых душах» и Белинский в статьях о Гоголе меньше всего стремились «выставить» собственную индивидуальность. Забыв о себе, они сосредоточились на предмете своих раздумий. Но то, что именно Гоголь сумел так «спрочитать» свою эпоху и именно Белинский сумел так прочесть Гоголя, как никто иной этого бы сделать не мог, явилось прямым доказательством их выдающейся оригинальности, прямым результатом их способности «сказать что-нибудь свое». Своеобразие выступило здесь не как точный перечень примет личности автора, а как могучая созидающая сила его гения. И «собственное величие» писателя открылось нам через величие познания им мира, то есть непосредственно, а опосредованно.

С этой опосредованной формой своеобразия связаны наибольшие трудности, но и наибольшие победы писателя. Реальный источник своеобразия здесь — уже все богатство жизни, самобытность каждого ее явления, входящего в искусство со своим неповторимым ароматом, цветом, звуком. Оригинальность возникает в этом случае как следствие способности схватывать сущность, а следовательно, и особенность каждого предмета» (Белинский). И она, естественно, тем больше, чем глубже схвачена сущность этого именно предмета. Это магическое свойство искусства — «обнажить» жизнь — хорошо сформулировал М. Пришвин: «...покорить природу и заставить ее говорить своим языком». «Своим языком» — это и значит найти то единственное в мире слово, которое может передать неповторимую особенность именно этого предмета, этого явления, этой мысли, этого душевного состояния и которое нельзя заменить никаким иным. Невероятно трудны поиски такого слова. Но если это слово и, разумеется, эта сложная ситуация, этот пейзаж, этот образ человека — все, что составляет литературную форму, — найдены, тогда приходит желанная победа: полная иллюзия читателя, будто перед ним не книга, а сама жизнь, рассказывающая о себе. В этом и состоит изумительная диалектика своеобразия: чем ярче индивидуальность писателя, тем сильнее его власть

К ВЕРНОМУ БЕРЕГУ

В статьях В. Карповой в «Правде» и И. Козлова в «Советской России» уже обращено внимание читателей на новую повесть ростовского писателя Михаила Никулина «Полая вода» (журнал «Нева», №1 и 2, 1956 г.). К тому, что уже сказано о ее достоинствах, представляется важным добавить и следующее.

Повесть М. Никулина снова побуждает читателей к размышлениям об исторических судьбах казачества в годы революции и утверждения советской власти в степях Дона. События происходят в верховьях Дона, в районе станицы Мелеховской, где метались на коне с повязкой на глазах Григорий Мелехов, трагический герой «Тихого Дона».

Уже заслуживает уважительного к себе отношения, но также и настаивает на самом выборе идейно-художественной задачи, которую ставил перед собой автор повести «Полая вода»: еще и еще всмотреться в казачью крестьянскую жизнь тех лет — всмотреться после М. Шолохова. Но что же еще автор увидел и распознал в этой жизни автор «Полой воды»?

Если бы автору пришла мысль открыть эпиграфом свою повесть, он, может быть, не нашел бы слов, лучше известных: «... Кто был ничем, тот станет всем». Не в переносном, а в самом подлинном смысле этого слова «ничем» был в Осиновском казак Афиноген Чумаков — центральное лицо, к которому приковано внимание автора и которому отдан на лучшие краски. До того, как советской властью прийти на Дон и полой водой смыть старый самодержавно-атаманский режим, настало «ничем» был в Осиновском Афиноген, что все даже не помнил, как его зовут. «Родился Афиногенкой, вырос — стал Хвиномом, а это было его настоящее имя». И единственное, что было ему подвластно, это — крылья, папка хуторского овчарки... Настало «ничем» был овчар Хвиной, что он — один из тех, кто наступал на Дон большевики и отгадали свои жизни. — не только подаете обману атамана и казачьей верхушки, склоняющих его уходить в отступ, но едва ли не готов расправиться со своим родным сыном Фронтовиком Ванькой за то, что тот решает остаться на хуторе. Большевики убьют! — угрожает Хвиной сыну. И, бросив домиком, вылетает в поток беженцев. Кстати, над этим не мешало бы еще раз призадуматься и тем из критиков и литературоведов, которые, объясняя причину трагедии Григория Мелехова, так и не увидели ее прежде всего в величайшем обмане трудового казачества монархическими и белоглазными генералами и атаманами. Каким же орудием обмана было влияние этого обмана, если ему подавались не только соратники Мелеховы, но и бедняки чумаковы?!

Но Григорий Мелехов так и остался с повязкой на глазах, у него хватало сил лишь слегка приподнять красные завесы, — и надо ли повторять, что автор «Тихого Дона», изображая трагедию мелеховых, которые оказались в потоке полой воды без воли, решает свою творческую задачу с гениальной, не побоимся этого слова, силой. А Хвиною «посчастливилось», он прозрел, — и тут в заслугу автору «Полой воды» нужно поставить то, что он осветил сущность драматической истории донского казачества в годы революции и гражданской войны еще и с новой стороны и по-своему. В центре его повествования тот, кто в конце концов и овладевает веслами в бурном потоке полой воды и вырывается против стихийного течения к верному берегу.

Конечно, для таких, как Афиноген Чумаков, естественное было покрепче хватиться за весла, чем для таких, как Григорий Мелехов. У середняка Мелехова больше было забито колес в старозавещаной одушевленной им природой, тем «выразительнее» ее язык, тем оригинальнее весь стиль книги, и тем обобщеннее, общезначимее и, если не бояться парадоксов, тем «анонимнее» творение художника. Вот для чего нужен Л. Толстому «вой вой вой»: чтобы мы слышали не голос Толстого, а голос Наташи Ростовой в ничем не замутненной чистоте и звучности его. И вот чем измеряется сила писательского голоса. Самобытное природное дарование встречается не так уж редко. Но у одних писателей его хватает лишь на то, чтобы сделать слышимым их собственный голос и притом для небольшого круга людей. У других — это голос самой жизни, равно выявляющий всем. И если такой писатель, обогащенный зрелым жизненным опытом, неустанным творческим трудом, активным участием в социальной борьбе, передовыми идеями времени, овладевает основными закономерностями истории во всем их социальном, национальном, бытовом, психологическом своеобразии, тогда «свой голос» художника приобретает громовую силу и звучит, как голос эпохи.

И в этом практический, а не отвлеченно академический смысл наших ответов о творческой индивидуальности, конечно, выходящей далеко за пределы полемики с отдельным критиком. Если она всего лишь внешняя литературная манера, — она не заслуживает никакого иного отношения, кроме вежливо-безразличного. Если творческая индивидуальность неизвестно чем обвешана — правдой или лживой пошлостью, то она требует недовольного-настороженного отношения к ней: а, может, лучше вообще обойтись без индивидуальности, по крайней мере, нам не угрожает снобически-бульварно-парфюмерно-циническая-сентиментальная форма. Но если творческая индивидуальность — путь к истине и способность открыть ее, и если эта истина такова, что мы говорим о литературе «глаза, уши и голос класса» (М. Горький), значит, наш первейший долг поддерживать, оберегать и растить художника. Это литературная вселенная, эстетическая неразборчивость, идеологическая беспринципность? Нет, это уважение и доверие к искусству, в трудах и муках добывающему то, что важнее для нас, чем хлеб насущный! — правду о жизни.

И это доверие сейчас особенно необходимо. Особенно потому, что творческая индивидуальность наиболее пострадала от срывающегося влияния культуры личности. «Поэзия — вся! — сада в незнание», — но для обожествленной личности нет ничего «незнанного». «Поэт настоящий

ном берегу, чем у бедняка, а точнее, у батрака Чумакова. Ему, Хвиному, нечего было оставлять на этом берегу, кроме своей кыргызы. Естественное было для таких, как Хвиной, отрываться от старого, чем для таких, как Григорий, но из этого не следует, что Хвиному было легче. И все же в одном отношении Афиноген Чумаков, конечно, «повезло»: в этой борьбе рядом с ним оказался надежный товарищ и советчик — коммунист Андрей Зыков.

Межа великого раскола еще рече разделила в те годы не только всегда враждебные друг другу классы, но и прошла через семьи. Отец Гапки — Аполлон — хвильник, кулак: а человек, который разбудил в ее сердце первое чувство, Филипп Бирюков, — активный защитник советской власти, председатель Совета. Трудно гапкиному сердцу, привычно подвластному отцовской, материнской воле. Но тем крепче и ее чувство к Филиппу, чем больше она начинает чувствовать, что в борьбе, обступившей ее со всех сторон и часто не доступной ее же пониманию, большая человеческая правда на стороне Филиппа и его товарищей. Любовь к Филиппу диктует Гапке и разрыв с семьей — она даже решает подсказать Филиппу, где ее отец спрятал от советской власти хлеб. Автор дает почувствовать, как мучительно трудно совершался этот разрыв дочери со своими родителями, в сущности, со своим классом. Гапкина драма перерастает в трагедию. Родную дочь не пощадил Аполлон и его жена, обмануто и деловито они приводят в исполнение свой план: обманом и силой отдать Гапку на позор и бесчестье, бросить в постель к бандиту Гришке Степанову. И в пуче Хвиной, которая потом наступает Гришке, не только справедливая расправа над врагом, но и справедливое возмездие за сагубленное гапкино счастье.

Один из осиновских кулаков Федор Ковалев люто ненавидит все то, что принесла в хутор эта новая власть, и собирается в банду. А его маленького сынишку Яшку непреодолимо манят к себе освещенные окна школы на обихуторской вечер — первый вечер, организованный в Осиновском советской властью. Андрей Зыков, Филипп Бирюков, Хвиной — все бедняцкий актив понимает, какое значение должен иметь этот вечер для сомневающийся и колеблющихся людей в хуторе, вокруг которого рыщут белокачки банды и вылают покаяны. Понимают это и враги. И Федор Ковалев, перемет там как сеть на лошади, которая увезет его в банду, со злобой торопливостью обстреливает окна школы. Случайно жертвой Федора Ковалева оказывается его сын Яшка, который до этого с таким восторженным пылом пытался на вечер в паре с Наташкой, снохой Хвиной. Однако совсем не случайно похороны мальчика Яшки становятся еще одним центром, вокруг которого крепче собираются силы защитников советской власти. Наташка, образная мертвого Яшку в последний путь, вспоминает, как она танцевала с ним на вечер в школе, а Хвиной сопровождал Яшку в последний путь с винтовкой на плече. К этому времени Хвиной уже с достаточной отчетливостью понял, что, если хочешь отстоять и защитить перед лицом врагов все то, что принесла тебе народная власть, лучше не расставаться с оружием. И это тот самый Хвиной, который, когда-то — и не так-то давно — забитый и обманутый, отступал от советской власти... Написано все это в живых картинах и лирике, когда и жизнь природы согласуется с жизнью, страстями и настроением людей; написано в фольклорном строе простого и точного языка, когда начинаешь чувствовать, как народная речь переходит в речь литературную.

Анатолий КАЛИНИН

Вздувает заранее из искры неясной ясною звание». Но раз все «заранее» находится в монополии обладания одного, — услуги тогда здесь просто излишни. А когда художник не может быть первооткрывателем, он обречен стать продолжателем. И это для него — смерти подобно. Детализация изобретенных своих предшествующих, применение их к другим областям, пропаганда науки — все эти полезные занятия вполне оправдывают многолетнюю жизнь ученого. Но они исключены для художника. Как может писатель «обосновать» Гамлет? Чем он может дополнить Татьяну Ларину? Как «продолжить» Нудушку Голылева? Конечно, и в искусстве есть свои великие традиции и гигантский труд их освоения. Но специфика искусства (его конкретно-чувственная форма) такова, что в нем освоение традиции, если оно не будет новаторским, неминуемо станет антигосударственным. Вот почему самые разные писатели так настойчиво подчеркивали право того, кто вносит что-нибудь в искусство, изменить все то, чему он учится (Зоя). Это отрицание традиции? Нет, это утверждение новаторства. И если новаторство — в том, чтобы выразить свое время, то ясно, что этот долг современника — быть голосом эпохи — не выполняется за него никто из великих предков. Но если от имени эпохи может говорить только один голос непомерно возвышенной личности, зачем же тогда «свой голос» художника? Как формирует писатель — не творец, а исполнитель. Так развивается удручающее одинообразие тем, сюжетов, ситуаций, героев, даже словесных формул. Так наряду с нивелировкой литературной формы возникают худшие порождения обезличенно-цинической мысли: схематизм и серость, штампы и упрощенчество, фальшь и посредственность, пустота общих мест и казенный оптимизм.

Все эти пороки мы видели и раньше. Слышали мы на наших писательских собраниях и немало благих пожеланий: заменить лакировку правды, серость — яркостью, описание — обобщением, схемы — живыми людьми и т. д. И сколько раз мы были свидетелями позитивных героических усилий писателя выполнить все предписания ему рецепта. С помощью внешних речевых и портретных примет он пытался придать персонажу отсутствующую у него самобытность; чтобы «оживить» любимого положительного героя, он щедро наделял его отвратительными пороками; для большей восторженности он безжалостно изгонял почтенного ученого из лаборатория на футбольное поле и, наконец, спа-

саял от рыхлости композиции, самоотверженно вырезал центральные главы повествования. Уны! Тщезны были все эти усилия. Нельзя изланы содержания (а именно в этом первоначальном всех указаний недостаток) лечить манипуляциями над формой. Нельзя пафосом исполнения подменить пафос действия. Власть художника над своим творением хотя и безраздельна, но не безгранична. И границы ее определяются не благими намерениями автора, а объективными возможностями его творчества. Культ личности неизбежно уменьшил их. Отсюда неизбежный результат. Появлялись книги, лишенные свежих мыслей, новых знаний, смелых открытий, книги, ненужные народу. И если мы говорим о враждебности культуры личности ленинским нормам государственной и партийной жизни, то с той же определенностью надо сказать и о прямой его враждебности теории и практике ленинизма и в области литературы. «Искусство принадлежит народу» — этот лозунг впервые в истории человечества был провозглашен не просто великим мыслителем, философом, ученым, но главой первого в мире социалистического государства, и поддержан целую систему продуманных, последовательных правительственных мероприятий. Он сразу же стал поэтом живой практикой всей нашей жизни и открыл новую эру искусства — грандиозный по своему всемирно-историческому значению процесс соединения его с народом. Культ личности и насаждаемая им бюрократизация искусства задерживали, тормозили этот процесс. Таков объективный антинародный смысл того принижения творческой индивидуальности, которое было лишь одним из множества проявлений искусственного возвышения одного за счет искусственного уменьшения всех других.

Культ личности осужден. Как уничтожить его последствия в искусстве? Так же, как это делает партия во всех других областях нашей жизни, — всемерным разрыванием творческой инициативы масс. В писательской среде это особенно необходимо. Ибо инициатива для художника — не временное, не случайное, не внешнее состояние, а самая суть его таланта первооткрывателя, единственная возможность его творческого бытия.

Новые переводы

Из Ивана Ивановича Змая

1. ЧЕСТЬ
Чести золото не купишь!
Честный части не уступит.
Честь нужна ему, как свет.
Рад продать ее бесчестный,
Но, как всякому известно,
У бесчестных чести нет.

2. КРАПИВА
Жжется больнее злая крапива,
Если берут ее слишком чувств.
Если ж возьмете ее, не робей,
Злая крапива жалит слабей.

Меньше терзают беды и муки,
Если вы крепко берете их в руки.

Иван Иванович Змай (1833—1904) — выдающийся сербский поэт. Мы помещаем переводы на русский, который будет полностью напечатан в журнале «Иностранная литература» и войдет в сборник избранных произведений поэта, подготовленный Гослитиздатом.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

В моих статьях «Прошло долгих двадцать лет...» и «Об ответственности людей ответственных» («Литературная газета» от 8 декабря 1955 г. и 8 мая 1956 г.) о внедрении кислорода в металлургическую промышленность мною был допущен ряд грубых ошибок и выдвинуты необоснованные обвинения против академика И. П. Бардина.

Редакция «Литературной газеты» в своей статье от 7 июля 1956 г. дала справедливую оценку допущенным мною ошибкам. К этой оценке я полностью присоединяюсь. Считаю своим долгом принести извинения перед академиком Бардиным и читателями.

Владимир ПОПОВ

Произведения выдающегося поэта татарского народа Героя Советского Союза Мусы Джалиля пользуются у советского читателя огромной любовью. Советский народ проявляет исключительный интерес к пламенным творениям поэта-патриота.

Однако несерьезное отношение к литературному наследию Джалиля со стороны некоторых составителей и редакторов вызывает недоумение и чувство досады. Считаю своим долгом сообщить, что в первый том собрания сочинений Джалиля (Казань, Таткомиздат, 1955 г.) по неизвестным мне причинам попало мое стихотворение «Доверчивость пылко сердца», написанное мною в 1935 году и опубликованное в моих сборниках «Песни сердца» (Казань, Таткомиздат, 1937 г.) и «Замечательные девушки» (Казань, Таткомиздат, 1941 г.).

Это же стихотворение включено и в книгу «Избранное» Мусы Джалиля, изданную на русском языке (Москва, Гослитиздат, 1955 г.).

Ахмед ЕРИКЕВ

АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В АЗЕРБАЙДЖАНЕ

БАКУ. (Наш корр.). Республиканские издательства регулярно выпускают произведения армянских писателей, проживающих в Азербайджане. Им было выпущено больше десятка книг армянских поэтов и прозаиков. В их числе — сборник стихов С. Григоряна, басни И. Петросяна, второй выпуск «Литературного альманаха».

Готовится к печати несколько новых стихотворных сборников.

3. ОСЛИНЫЕ УШИ

Говорил осел без слов:
— Бедная скотина я!
Ходит слух, что у ослов
Уши слишком длинные...
А ведь уши у слонов
Больше, чем ослиные!

Слон ответил: — Верно, брат.
Уши наши длинные,
Но хвастливо не торчат
Кверху, как ослиные!

4. ЧЕРНОЕ И БЕЛОЕ
— Трубочист веселый и проворный,
Почему не белый ты, а черный!
— Если трубочист бывает белый,
Значит, плохо трубочиста дело.

— Мельник, мельник, ты более мела,
Почему не черный ты, а белый!

— Если мельник черный, а не белый,
Значит, плохо мельничье дело.
Надо думать, что ответы эти
Поняли и взрослые и дети.

Из И. Фёфёра

1. ЗВЕЗДЫ И КОНИ
Весь в слезах вернулся мальчик
Летним вечером домой.
— Поскорей — зовут на маму,
Поскорей иди за мной!

За воротами я видел
Над рекой табун коней.
Кони шумно таят воду,
И да солнце вместе с ней.

Нам от солнышка осталась
Только краешек один...
— Ты не плачь, мой милый мальчик,
Ты не плачь, мой глупый сын.

Сколько свет стоит, мой мальчик,
Кони к воде находят путь,
Но до солнца длинной шею
Он не может дотянуть —

Солнце село за рекою.
Почернел небесный свод.
С громким ржанием вороны
Переходят речку вброд.

Мальчик с берега круглого
Весь в слезах бежит домой.
— Поскорей — зовут на маму,
Поскорей иди за мной!

Солнце в небе не осталось.
Не найдешь его нигде.
Эти переводы вошли в сборник стихов
еврейского поэта И. Фёфёра (Гослитиздат).

Кони с гривами густыми
Шумно ходят по воде.
Кони выплют нашу речку
С облаками и луной
И проглотят наши звезды,
Не оставят ни одной!

— Ты не плачь, мой глупый мальчик,
Много-много тысяч лет
Кони с водой глотают звезды,
Но не гаснет звездный свет.

Звезды светят, как светили,
Золотым своим огнем,
А река рекой осталась,
Светом — свет
И конь — конем!

2. ДРУЖБА
Тот, кто с товарищем дружен,
Вдвое умней и сильнее.
Пусть нам примером послужит
Дружба ветвей и корень!

3. ПРАВДА И ЛОЖЬ
В тех краях, где кошелеком
Мерт все на свете,
Правда ходит босиком,
Кратит ложи в карете.

Ложь всегда опередит
Истину невозможно.
Но не бойтесь: победит
Правда-босоножка.

Поэт разнообразных жанров

Лев НИКУЛИН

Много писал Сергей Васильев о гражданской войне. Этот том посвящен трилогии в стихах «Портрет партизана».

В ней реалистически, правдиво описана судьба молодого рабочего его мятарства, его горести, радости, его любовь, пробуждение в нем сознания, цель жизни: борьба за революцию, за народное счастье. Не все главы написаны с равной силой; рядом с проникновенными строфами есть и бледное, схематическое изображение событий: например, бой на московских баррикадах, мавява в Сокольниках. Главы эти вводятся автором как бы по традиции, они как бы полагаются в подобном произведении.

Сергею Васильеву, надо сказать, менее удаются произведения масштабные — большие поэмы. Есть в «Портрете партизана» погрешности в композиции, длинноты и излишние подробности. Стройнее и драматичнее по ситуации получаются небольшие поэмы «Граница», где рассказано о подвиге патриотической теме подвига, мужества раскрывается на фоне сумрачного, сурового пейзажа пограничной зоны:

Талый запах. Невидимый лам от воды.
На тяжелом снегу поспевающие волчьи следы.
Полный месяц. Прогрелась за ночь сосна.
Пограничники знали, что это крадется весна.

Пейзаж, описание природы — вообще одна из сильных сторон поэзии Сергея Васильева. Вот описание утра в стихотворении «Зима»:

Стремительно подымались на дыбки,
как тоненькая пружа молодая,
струящая вертикальные дымки,
в окоченевшем небе пропадаля.
Ветряк стоит на резком склоне,
скрепя послушно мерзлые ветрила.
И прорубь свежую на утренней реке
уже опять ледком перекрывает.

Другой пейзаж, воссозданный поэтом с лирической теплотой, пробуждающий в нас высокое патриотическое чувство, — «Поле русской славы», лучшее стихотворение из «военных» стихов Сергея Васильева.

Медленно и бережно ступая,
мы идем под небом голубым,
в полях ромашек утопая,
веклино дорожку уступая
синим колокольчаникам степным.

Любо здесь увидеть стаю птичек
и не видеть дым пороховой.
Вот оно во всем своем величии
поле нашей славы боевой.

Надо сказать, что не все стихи поэта об Отечественной войне можно назвать по-настоящему хорошими в сборнике. Эти стихи, написанные в дни испытаний, часто в походной обстановке, сделали свое дело, но не выдержали испытания временем. Значительно лучше и попросту вдохновеннее написана поэма (скорее цикл стихотворений) «На Урале», посвященная кунице нашей победы. То, что называется сухо «спроизведенным процессом», выражено местами с большой убедительностью и поэтической силой.

Есть у Сергея Васильева автобиографические стихотворения, написанные с лирическим подъемом. Из них лучшие — «Прямые улицы Кургана», «Здесь Горный жил», проникнутое глубокой благодарностью и любовью к великому писателю. «Голубь моего детства» называется стихотворение, стремительно по развитию сюжета. «Словно вестник от восхода», летит в стихотворение голубь, далекий образ детства. Через двадцать лет поэт снова возвращается к этому образу в стихотворении «Голуби» («Милые, хорошие гости-воруны»):

Слушайте — и кажется,
что опять ты юн,
завораил, песельник,
говорул, плуток.

Большая поэма «Первый в мире» о создателе первого самолета Можайском стоила поэту много труда. Здесь было не только изучение материала, но стремление пере-

дать дух времени, эпоху и характер даровитого русского человека, изобретателя, его дерзновенный полет мысли, препятствия, которые ему довелось преодолеть, и, наконец, злосчастную его судьбу, напоминающую отчасти судьбу изобретателя радио — Попова.

Описание полета, тройка, танушая по размокшей весенней дороге воздушный змей, — эти эпизоды написаны с настоящим темпераментом и увлечением, так же, как трагический эпизод, завершающий дерзкий опыт Можайского:

... в густых камышах
примемлился Можайский.
ошупав помногого змея бока,
расправил промасленный шелк
по-хозяйски и крепко.
по-братски обнял ямщика.
Смушенный мужик с смирнотой плетью,
облакавший брюном, вовсе не знал,
что он свою тройку залетную гнал
не просто по тракту,
а прямо в столетия...

Думается, что полемическая часть поэмы, где автор отстаивает приоритет Можайского в его изобретении, по силе убеждения уступает повествованию о горестной судьбе русского изобретателя. Искания Можайского, его дерзновение делают это имя славным, незабываемым в истории нашей авиации. Следует отметить, что Можайский в поэме Васильева очень уж одинок: вряд ли бы он мог осуществить свою мечту, если бы ему не помогли окружающие — радные люди, рабочие. Неестественно выглядят в поэме и друзья с Д. И. Менделеевым, — это условный или случайный эпизод в произведении.

Сборник был бы неполон, если бы автор не включил в него ставшие популярными некоторые песни; из них, мне кажется, наиболее поэтичны «Дорожная», «На реке Тобол», «Подмосковье».

Поэт различных жанров, Сергей Васильев успешно работает в жанре сатиры. И то, что иные его эпиграмы, пародии злы, порой даже несколько обидны, не уменьшает их ценности. Надо сказать, что наши сатирики (и особенно карикатуристы) слишком заботятся о том, чтобы не обидеть тех, кого осмеивают; придумана даже такая оговорка — «дружеские» шаржи, «дружеские» эпиграмы.

Книга эпиграмм и пародий Сергея Васильева, часть которых вошла в сборник, называется «Взвир на лица». Этим подчеркивается конкретность сатиры, в то же время его пародия или эпиграмма всегда имеет общественное звучание. Сатирик, направляя стрелу в лицо определенной личности, в то же время подразумевает осмеивание стилизаторство, формалистические изощрения, ложную значительность, фразерство, безыличность. Пародии и эпиграмы Васильева всегда очень смешны. Казалось бы, странно утверждать, что сатира должна вызывать смех. Однако сколько мы знаем примеров, когда сатирические по существу стихи не вызывают даже улыбки. Этого счастья избег в своем творчестве Сергей Васильев. Он удивительно верно умеет схватить чужую манеру письма, чужой стиль, интонацию пародируемого автора, находит уязвимое место и осмеивает его, притом не назидательно, не риторично, а весело, забавно, прозуальными. Иногда это — лаконичное четверостишие, которое запоминается с удивительной легкостью, иногда — пародия более пространная, которая уже давно стала репертуаром актеров на концертной эстраде. Интересно, что даже в переводе на другие языки сохраняются острота и юмор сатирических стихов поэта. Книга «Взвир на лица» переведена почти вся на чешский язык, а где же так умает осмеивать сатиру, смех, как не на родине Иосифа Гашека, создавшего бессмертный образ Швейка.

Однако если в эпиграмме или пародии Васильев, как мне кажется, не имеет соперников в сегодняшней сатире, то не все его фельетоны могут порадовать читателей, — многие из них длинноваты, дидактичны и, к сожалению, не смешны, хотя и злободневны и в общем полезны.

Сборник, вышедший на родине поэта, убеждает нас в том, что Сергей Васильев неустанно работает в разных жанрах нашей поэзии, в одном лучше, в другом несколько слабее, торопливо, но всегда страстно и с увлечением.

Сергей Васильев. Лирика и сатира. Мурманск, 1955.

Асеев И. Памяти лет. Сборник стихотворений. 1912—1955. Гослитиздат. 447 стр. Цена 8 руб. 10 коп.

Волочаров А. Советская массовая песня. «Советский писатель». 218 стр. Цена 5 руб. 35 коп.

Вересаев В. Повести и рассказы. Гослитиздат. 580 стр. Цена 10 руб. 85 коп.

Каленин В. Эстонский народный эпос. Собрал и обработал Ф. Крицкая. Перевод с эстонского В. Дерягина и А. Кочеткова. Гослитиздат. 498 стр. Цена 14 руб. 50 коп.

Лебедево А. Тяжелый дивизион. Роман. «Советский писатель». 604 стр. Цена 13 руб. 65 коп.

Леберект Г. Капитаны. Роман. Таллин. Эстонское государственное издательство. 228 стр. Цена 4 руб. 55 коп.

Лич Л. Единственный свидетель. Юридические рассказы. Гослитиздат. 240 стр. Цена 3 руб. 35 коп.

Меттер И. Первый чпок Расказы. «Советский писатель». 234 стр. Цена 4 руб. 55 коп.

Решетов А. Стихотворения. Повести. Гослитиздат. 314 стр. Цена 7 руб. 30 коп.

Сентилец С. Наплывы. Исторический эпос. В 3-х частях. Гослитиздат. 455 стр. Цена 8 руб. 30 коп.

Старшинов Н. Солдатская юность. Стихи. Воениздат. 63 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

Сурков А. Избранное. Стихи. Поэмы. Песни. «Советский писатель». 380 стр. Цена 7 руб. 30 коп.

Черноморцев Л. На просторах Сибири. Избранные стихи. «Советский писатель». 171 стр. Цена 2 руб. 45 коп.

НОВЫЕ КНИГИ

Меттер И. Первый чпок Расказы. «Советский писатель». 234 стр. Цена 4 руб. 55 коп.

Решетов А. Стихотворения. Повести. Гослитиздат. 314 стр. Цена 7 руб. 30 коп.

Сентилец С. Наплывы. Исторический эпос. В 3-х частях. Гослитиздат. 455 стр. Цена 8 руб. 30 коп.

Старшинов Н. Солдатская юность. Стихи. Воениздат. 63 стр. Цена 1 руб. 60 коп.

Сурков А. Избранное. Стихи. Поэмы. Песни. «Советский писатель». 380 стр. Цена 7 руб. 30 коп.

Черноморцев Л. На просторах Сибири. Избранные стихи. «Советский писатель». 171 стр. Цена 2 руб. 45 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

№ 88 26 июля 1956 г.

НАРОД КОРЕИ СТРОИТ

Три года назад окончилась кровопролитная война в Корее. Корейский народ-победитель, отстоявший в суровых испытаниях родную землю, приступил к мирному строительству. В короткий срок он много сделал для того, чтобы залечить тяжелые раны войны, вернуть к жизни сожженные города, восстановить десятки разрушенных заводов.

В числе крупнейших послевоенных строек относится и Хыннамский комбинат химических удобрений. «Возрожденный к жизни» — так называют его в стране.

Хыннамский комбинат — это настоящий промышленный город. Десятки огромных корпусов раскинулись на площади в несколько квадратных километров. Враги, послужившие на свободу и независимость корейского народа, стремились навсегда вывести комбинат из строя. Они разрушили заводские корпуса, изуродовали сложнейшие машины, превратили оборудование в груды железного лома.

Люди в рабочих комбинезонах, пришедшие после войны на эти мертвые развалины с лопатами, железными ломом и кирками в руках, столкнулись с большими трудностями. Не было самых необходимых материалов. Не хватало инженеров, техников, квалифицированных рабочих. Но нет в мире таких преград, которые не смогла бы преодолеть воля сознательно работающих людей, чувствующих себя хозяевами страны.

В августе прошлого года вступили в строй первые восстановленные цехи. Они снова стали производить сульфат аммония — химическое удобрение для рисовых полей. Правда, комбинат работает на треть былой мощности, выпускает 130—140 тысяч тонн удобрений. Но уже в будущем году производительность предприятия поднимется до 200 тысяч тонн. Недалеко то время, когда комбинат достигнет прежнего уровня производства и, как в предвоенные годы, займет одно из первых мест в мире среди заводов азотных удобрений.

Ни днем, ни ночью не смолкает здесь гул напряженной работы. Поднимаются из руин новые корпуса, восстанавливаются машины, ремонтируется оборудование. На снимке слева мы видим группу корейских рабочих, которые, овладев сложной техникой, производят монтаж газгольдеров — огромных баков, где хранится аммиак.

Растет Хыннамский комбинат химических удобрений, а вместе с ним растут люди. Здесь работает много передовиков труда, чьи имена известны всей стране. Заслуженным уважением пользуются на комбинате электромеханик Ли Ун Хо (снимок в центре). За годы работы в Хыннаме он внес ряд ценных рационализаторских предложений, за что был награжден двумя орденами и медалью. Недавно заводское изобретательское бюро одобрило новое изобретение признанного новатора. Ли Ун Хо создал такую систему ремонта оборудования, которая ускорила восстановление цеха электролиза, в шесть раз подняла производительность труда, привела к экономии сотен кубических метров водорода. С теплым чувством признательности говорит Ли Ун Хо о советских инженерах, которые помогли ему справиться с трудностями этого времени работы над новой системой.

Брежневская дружба связывает рабочих Хыннамского комбината с корейскими крестьянами-рисоводами. Если в годы господства японского империализма ни грамма выпускаемых комбинатом удобрений не попадало на поля крестьян, то теперь железнодорожные составы ежедневно развозят отсюда во все уголки страны сотни тонн сульфата аммония. Это удобрение позволяет вдобавок повысить урожай риса.

Богатый урожай собирают теперь и крестьяне уезда Синхо в провинции Южный Хеньян. Они оросили десятки гектаров пустовавших ранее земель, где никогда не выращивался рис. На снимке справа группа хеньянских школьников помогает крестьянам одного из сельхозкооперативов уезда Синхо пересаживать рисовую рассаду.

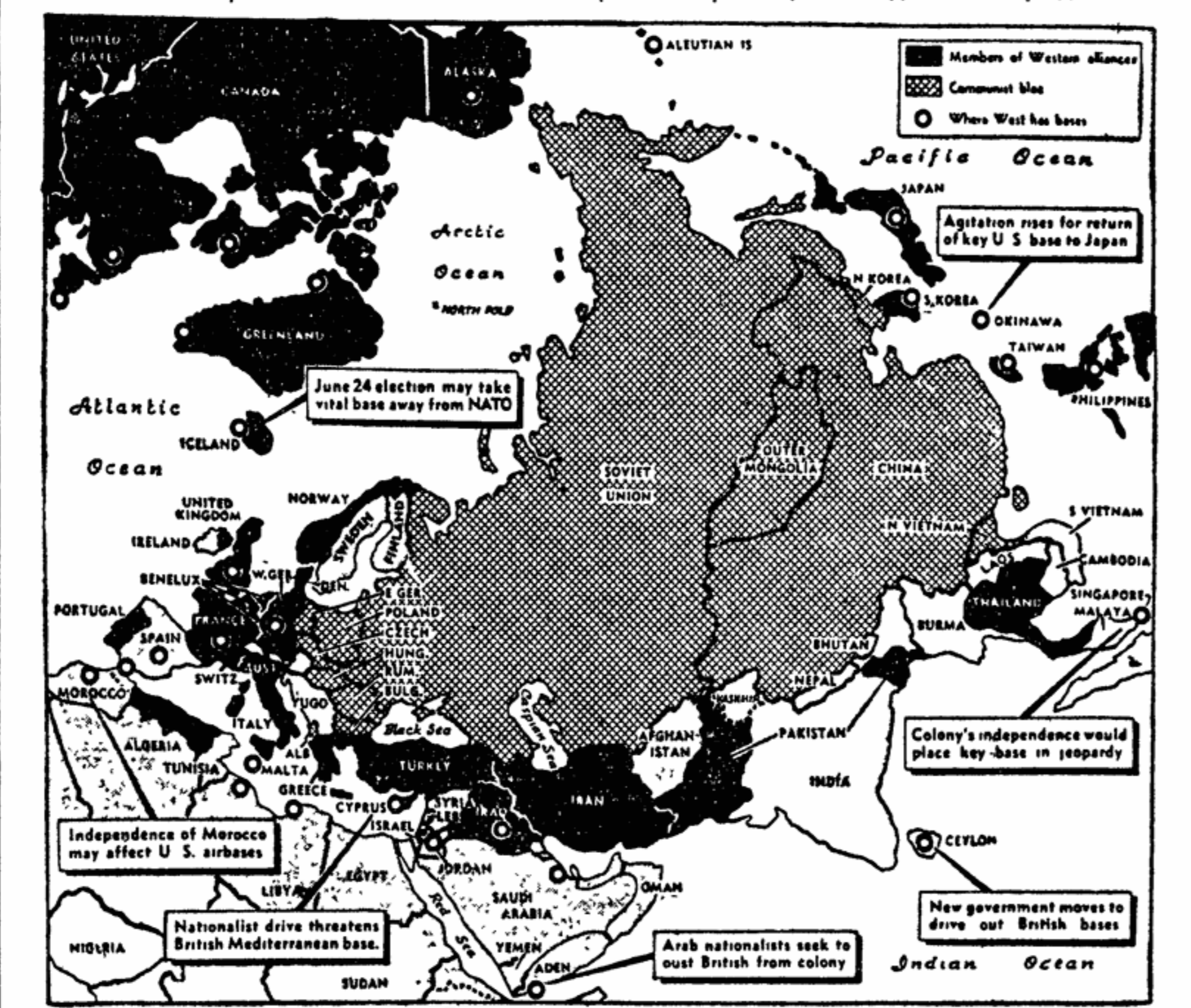
Новая жизнь идет по корейской земле!
Г. ВАСИЛЬЕВ

О ЧЕМ ГОВОРИТ КАРТА

Эта карта-схема была напечатана в американской газете «Нью-Йорк таймс», в одном из ионических номеров. Заголовок над картой гласит: «Очаги беспокойства в цепи заморских баз, которые защищают Запад». Черной краской отмечены страны — участницы «западных» военных союзов, сеткой обозначены страны социалистического лагеря, а кружками — военные базы западных стран.

Исландия, Северная Африка, Кипр, Аден, Цейлон, Сингапур, Окинава — вот те районы, которые стали когитами беспокойства для участников агрессивных военных группировок. «Глобальная стратегия Соединенных Штатов и их союзников находится под угрозой», — так охарактеризовал сложившееся положение военный обозреватель «Нью-Йорк таймс» Хансон Болдуин.

Читатели дополняют «Ответ мистру Греду»

Американец Джон А. Грей обратился в «Литературную газету» с просьбой «разветить заблуждения» редактора журнала «Сатердей иннинг пост», который утверждает, будто бы в СССР произведения таких классиков, как Толстой, Чехов, Тургенев, находятся в «списке запрещенных книг». Письмо Джона А. Грея и ответ «Литературной газеты» были опубликованы 3 июля. Выполнив просьбу мистера Грея, мы сообщаем читателям «Литературной газеты» о том, как в нашей стране произведения упомянутых классиков.

Ряд читателей дополняет ответ «Литературной газеты» Джону А. Греду.

Вот что пишет тов. Копылин из Коломенского: «Товарищи редактор! Как же вы это в «Ответ мистру Греду» не сказали о том, что изучение Толстого, Тургенева, Чехова у нас обязательно в школе, что тот, кто не читал и не знает классиков, не получит документа о среднем образовании».

Тов. Немковский из Одессы единодушно с тов. Копылиным. Он также советует «приложить к ответу программу средней школы СССР по русской литературе». Тов. Немковский справедливо отмечает в том, что редактору «Сатердей иннинг пост» и впрямь неизвестно, какой широкой популярностью пользуются в Советском Союзе произведения классиков литературы.

Мы с удовольствием следуем совету читателей и сообщаем с сведением американского журнала, что в соответствии с государственными учебными программами в старших классах советской школы на изучение творчества Тургенева отводится Чехова — 12 часов.

Мы надеемся, что «Сатердей иннинг пост» опубликует эти дополнительные данные и тем самым поможет развеять неверные представления, которые мешают росту взаимопонимания между народами.

О. ЯРОСЛАВЦЕВ

свое веское слово против пребывания иностранных войск и военных баз на своей территории.

Читай дальше: «Независимость Марокко может затронуть американские авиабазы». Не может, а уже затронула. Министр иностранных дел этого молодого независимого государства Ахмед Балафредж на удивительно заявил, что его правительство не признает договоров, подписанных Францией и Соединенными Штатами об использовании авиационных баз на территории Марокко.

Следующая надпись относится к Кипру: «Националистическое движение угрожает английской средиземноморской базе».

О том, что англичанам приходится иметь дело с мощным подъемом национально-освободительного движения, свидетельствуют и следующие три надписи. Аден — «Арабские националисты хотят выгнать англичан из колонии». Цейлон — «Новое правительство предпринимает шаги, чтобы уничтожить английские базы». (Недавно стало известно о том, что английское правительство было вынуждено принять это требование и объявить о выводе своих войск с военно-морских баз на Цейлоне). Сингапур — «Независимость этой колонии поставила бы ключевую базу под угрозу».

И, наконец, последняя надпись: «Растет агитация за возвращение Японии ключевой американской базы». Не агитация, а всемирное движение протеста охватило японский народ без острова Окинава.

Эта карта — свидетельство провалов политики западных держав. Разумеется, Хансон Болдуин пытается объяснить эти провалы «просками коммунистов». «Все эти районы», — пишет он, — «в большей или меньшей степени охвачены волнениями, вытекающими из политических или военных трудностей, которые имеют один общий знаменатель: коммунизм». Это уже заведомая ложь. Ибо знаменатель здесь только один, и он хорошо известен: стремление народов к миру и независимости и, следовательно, нежелание мириться с пребыванием на своей территории иностранных войск. Руководителям западных держав, хотя они того или нет, придется учитывать этот знаменатель в своих внешнеполитических расчетах.

О. ЯРОСЛАВЦЕВ

В ПОВЕСТКЕ дня со-временной между-народной жизни на пер-вом плане стоит задача мирного сотрудни-чества между всеми государствами, незави-симо от их строя. Ныне должны заведомые враги политики мирного сосуществования не решаются открыто выступить с призывами к войне. Бывают, однако, и исключения. На-пример, достопочтенный Кларенс Кэннон, представитель США от штата Миссури, — давний и убежденный поборник отнюдь даже не холодной, а вполне горячей войны.

Джентльмен из Миссури давно заражен вирусом атомно-агрессивной лихорадки. Симптомы болезни — жар в крови, помрачение сознания, настоящие, маниакальные требования обрушить бомбовый шквал на Советский Союз. Самое печальное, что у Кэннона болезнь приняла хронический характер.

Сильнейший приступ был у Кэннона в 1949 году, когда он возмущил мир следующим заявлением: «Мы должны поразить Москву и любой другой город России в течение недели после начала будущей войны. Мы должны в течение первых трех недель превратить в развалины каждый военный центр Советского Союза». А последний приступ того же заболевания охватил Кэннона совсем недавно в палате представителей и по агрессивности он не уступает горячечному бреду 1949 года.

Его речь 1956 года призывала не только к гонке вооружений, но и к скорейшему применению этого вооружения, притом с указанием точного адреса. В начале своего выступления он, отдавая, видимо, дань духу времени, заявил: «Мы народ, любящий мир». Это, собственно говоря, верно: народ Америки наверняка предпочитает мир. «Все наши интересы», — продолжал он, — «сводятся к сохранению мира и обретению между-народного сотрудничества». Что же, американский народ в большинстве своем и это понимает. Но имел ли право Кэннон говорить «мы» и приписывать себя к блистательному миру? Пусть читатель судит сам...

Постепенно оратор стал увлекаться любимой темой и метать громы и молнии. Первыми объектами его гнева явились Англия и Франция за то, что они дружат с Россией и «приглашают русских руководителей к себе». Но основное, что волнует достопочтенного конгрессмена, — это, оказывается, советская авиация. Она, видите ли, непосредственно угрожает джентльмену из штата Миссури. Тут Кэннон окончательно переходит на истинный истерический крик: «У Советов не может быть другой цели, кроме завоевания Америки, массового уничтожения большинства нашего населения и грабежа и конфискации всего того, чем мы владеем». Буйная фантазия охваченного лихорадкой оратора не знает удержу: «Это будет сделано таким образом и такими методами, что даже те несчастные остатки нашего населения, которым удастся выжить, будут в конце концов стерты с лица земли».

Ошеломив слушателей кровавыми картинами завоевания Америки «Советами» и последующим массовым уничтожением населения США, оратор накинута на свое правительство за недостаточное быстрое производство бомбардировщиков дальнего действия, в частности самолетов марки «Б-52».

ХРОНИК ИЗ МИССУРИ

«У нас, — с рыданием в голосе стонал он, — только 78 самолетов «Б-52», а ведь именно они являются ядром нашей национальной обороны».

В следующей фразе он разъяснил не только роль самолетов «Б-52» в «национальной обороне», но и признался в своей сокровенной мечте:

1949 г. Каким он был...

...Таким остался. 1956 г. Рис. К. Ротова

«Это — единственное оружие, с помощью которого мы можем достигнуть сердца врага. В предстоящей войне мы должны нанести удары по Москве и промышленным предприятиям Сибири. Мы должны войти в Сирию прямо в жизненный ритм России».

Все вышеизложенные мероприятия атом-шикс-хроник выстроены названо... «последней надеждой цивилизации» (1).

Русская поговорка гласит: слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. Слова члена конгресса Кларенса Кэннона бережно зафиксированы и отпечатаны в виде приложения к «Конгрессу рекорд» («Протоколы конгресса») для всех желающих ознакомиться с ними. Надо полагать, что американский народ осудит милитаристские страсти джентльмена из Миссури и не допустит насаждения пропагандируемой им «цивилизации».

А. БАРАНОВА

Дом, где разбиваются сердца

Пьеса «Дом, где разбиваются сердца», названная автором «фантазией в русском стиле на английские темы», — одна из лучших в драматургическом наследии Бернарда Шоу. Написанная в 1913—1916 гг., она была, однако, опубликована лишь после окончания первой мировой войны, в 1919 году. Тогда же Шоу предположил, как и многим другим своим драматическим произведениям, большое предисловие.

Менее всего можно говорить о подражании Шоу в этой его пьесе художественным, стилистическим приемам русских драматических писателей. Шоу остается здесь, как и везде, самим собой, со свойственным ему сложным и своеобразным комплексом средств художественной выразительности. И вместе с тем он подхватывает, развивает на новом материале начатую А. Чеховым и Л. Толстым историческую важную тему судеб определенной части общества — интеллигентных обитателей усадьб — на рубеже XIX—XX веков.

«Дом, где разбиваются сердца», — по выразению одного из персонажей, попросту «неряшливая, беспорядочная вилла», где собралась горстка культурных бездельников, людей с израненными, опустошенными сердцами.

утраченными иллюзиями. Этому Шоу противопоставляет в предисловии к пьесе Манеж, где завсегдатаями являются невежественные варвары, в отличие от обитателей Дома отнюдь не отстраняющиеся от политики, но чаще всего корыстно вершащие ее. Их и других драматург гневно обвиняет в ответственности за развязанную кровавую бойню. Сочувственно следя за становлением молодого Советского государства, Шоу замечает, что «тем временем большевистские кирки и подрывные шапки разрушают фундамент обоих зданий».

Вычужденная критика милитаризма пронизывает каждую строку этого предисловия. Истинная боль за человечество звучит в словах Шоу о том, что «убивали не только наших Шекспиров и Платонов; урожай, собранный теми, кто остался в живых, был засеян и выращен на бесплодной земле траншей».

Ниче приводит первые главы предисловия к пьесе, представляющего собой несколько субъективную, но, бесспорно, интересную попытку Шоу охарактеризовать мировое значение драматургии Чехова и Толстого, сопоставить содержание их пьес с важнейшими жизненными процессами в окружающем его обществе. Шоу всегда высоко ценил русскую культуру; особенно внимание он уделял русской драматургии — пьесам Л. Толстого, А. Чехова, М. Горького. Литературные пристрастия и суждения Шоу неотрывны от его деятельного, неустанного, активного интереса к решению насущных политических, общественных проблем.

оставить Дом стоять, раз мог свалить его на головы приятных и любезных празднолюбцев, обитавших в нем; и он энергично взялся за кирку. Он общался с обитателями Дома так, как поступают при отвлечении от него, когда, грубо схватив пациента, тянут его до тех пор, пока он не пропадет. Чехов в большей мере фаталист; он не очень-то верил, что его обаятельные герои выпутаются сами. Они неизбежно будут проданы с торгов, купят он, а затем их пустят по миру судорожные приставы; однако без колебания он эксплуатировал их обаяние и даже лстиял ему.

ОБИТАТЕЛИ Пьесы Чехова, будучи менее доходными, чем чехели и карусели, выдержали в Англии, где театры представляют собой обычные коммерческие предприятия, всего несколько представлений в Спенсическом обществе. Мы изумлялись и говорили: «Как это по-русски». Но меня поразило другое. Как и пьесы Ибсена, типично норвежские пьесы, в точности удовлетворяющие вкусам средней буржуазии всех пригородов Европы, эти произведения, столь насыщенные русской жизнью, отражали бытие усадьб всех европейских стран, где наслаждение музыкой, искусством, литературой и театром заменило

ным местом для недолгого отдыха. В другое время оно оказывалось гибельным. Для премьер-министров и им подобных оно представлялось истинной Капудей.

МАНЕЖ

Где же, как не здесь, пришлось обосноваться тем, кто занимал первые скамьи в парламенте? Дому, где разбиваются сердца, они противопоставили Манеж, состоящий из тюрьмы для лошадей и пристройки для леги и джентльменов, которые прогуливаются верхом, гоняют лошадей, осуждают их достоинства, занимаются куплей и продажей и уезжают им девять десятых своей жизни, разделяя оставшуюся одну десятую между благотворительностью, хождением в церковь (что заменяет им религию) и устройством консервативных выборов (что заменяет им политику).

Правда, два эти круга порой слегка соприкасались. Но изгнанныки из библиотек, музыкальных залов и картинных галерей скучали и тосковали, покая в конюшни, а отважные амазоны, засыпавшие при первых звуках Шумана, были совершенно не на месте в садах Клинггора. Правда, попадались иногда лошадиники и люди с разбитыми сердцами, которые отлично чувствовали себя и в той и в другой среде. Как правило, однако, два эти мира были отделены и очень мало знали друг о друге; поэтому премьер-министры и иные с ними вынуждены были сделать выбор между варварством и Капудей. И трудно сказать, какое из этих двух настроений являлось более губительным для руководства государственной деятельностью.

Бернард Шоу за работой

РЕВОЛЮЦИЯ Дом, где разбиваются сердца, был довольно близок к революционным идеям, но только на бумаге. Он старался быть передовым и свободомыслящим. Мало кто из его обитателей посещал церковь и соблюдал кощунственные, хотя и любимые всеми, в конце недели. Если бы вам довелось погостить там с пятницы до вторника, то вы могли бы найти на полке в своей спальне не только поэтов и романистов, но даже революционных биологов и экономистов. По крайней мере, без нескольких моих пьес в пьесе Гренилья Баркера, а также рассказов Уэллеса, Арнольда Боннета и Джона Голсуорси этот Дом поочередно был собой с стороны от прогресса. Среди поэтов можно было найти книги Блейка, рядом с ним — Бергсона, Батлера, Скотта Хольдейна, стихотворения Мерседы и Томаса Гарди, короче говоря, всю литературу, необходимую для формирования ума современного социалиста и творческого эволюциониста.

РЕВОЛЮЦИЯ Дом, где разбиваются сердца, был довольно близок к революционным идеям, но только на бумаге. Он старался быть передовым и свободомыслящим. Мало кто из его обитателей посещал церковь и соблюдал кощунственные, хотя и любимые всеми, в конце недели. Если бы вам довелось погостить там с пятницы до вторника, то вы могли бы найти на полке в своей спальне не только поэтов и романистов, но даже революционных биологов и экономистов. По крайней мере, без нескольких моих пьес в пьесе Гренилья Баркера, а также рассказов Уэллеса, Арнольда Боннета и Джона Голсуорси этот Дом поочередно был собой с стороны от прогресса. Среди поэтов можно было найти книги Блейка, рядом с ним — Бергсона, Батлера, Скотта Хольдейна, стихотворения Мерседы и Томаса Гарди, короче говоря, всю литературу, необходимую для формирования ума современного социалиста и творческого эволюциониста.

РЕВОЛЮЦИЯ Дом, где разбиваются сердца, был довольно близок к революционным идеям, но только на бумаге. Он старался быть передовым и свободомыслящим. Мало кто из его обитателей посещал церковь и соблюдал кощунственные, хотя и любимые всеми, в конце недели. Если бы вам довелось погостить там с пятницы до вторника, то вы могли бы найти на полке в своей спальне не только поэтов и романистов, но даже революционных биологов и экономистов. По крайней мере, без нескольких моих пьес в пьесе Гренилья Баркера, а также рассказов Уэллеса, Арнольда Боннета и Джона Голсуорси этот Дом поочередно был собой с стороны от прогресса. Среди поэтов можно было найти книги Блейка, рядом с ним — Бергсона, Батлера, Скотта Хольдейна, стихотворения Мерседы и Томаса Гарди, короче говоря, всю литературу, необходимую для формирования ума современного социалиста и творческого эволюциониста.

РЕВОЛЮЦИЯ Дом, где разбиваются сердца, был довольно близок к революционным идеям, но только на бумаге. Он старался быть передовым и свободомыслящим. Мало кто из его обитателей посещал церковь и соблюдал кощунственные, хотя и любимые всеми, в конце недели. Если бы вам довелось погостить там с пятницы до вторника, то вы могли бы найти на полке в своей спальне не только поэтов и романистов, но даже революционных биологов и экономистов. По крайней мере, без нескольких моих пьес в пьесе Гренилья Баркера, а также рассказов Уэллеса, Арнольда Боннета и Джона Голсуорси этот Дом поочередно был собой с стороны от прогресса. Среди поэтов можно было найти книги Блейка, рядом с ним — Бергсона, Батлера, Скотта Хольдейна, стихотворения Мерседы и Томаса Гарди, короче говоря, всю литературу, необходимую для формирования ума современного социалиста и творческого эволюциониста.

Бернард Шоу за работой

Было чрезвычайно любопытно провести воскресенье, углубившись в чтение этих книг, а в понедельник утром прочитать в газетках, что страна приведена на край бездны анархии, потому что новый министр внутренних дел или начальник полиции, у которого в голове завелась такая идея, каких постеснялся бы даже его прабабушка, отказался «признать» какой-нибудь могущественный профсоюз, как будто утилый человек может не признавать океанский монополизм...

Короче, власть и культура были отделены друг от друга. Варвары не только громоздились в садах, но и занимали передние скамьи палаты общины, где их неопишное невежество в области современного мышления и политических наук испаривало было некому — разве что высочкаим из банковских контор, которые всю жизнь занимаются тем, что наполняют свои карманы, а не головы. Впрочем, и те и другие имеют большой опыт в обращении с деньгами и людьми, насколько это требуется для добывания одних и для эксплуатации других; и хотя это — столь же неблагоприятное занятие, как грабежи средневековых баронов, однако те, кто этим занимается, умеют вести дела или управлять имением по старинке, не выходя в существо вопроса, так же как портные и лавочники с Бонд-Стри-та, лакеи и камердинеры поддерживают

светское общество без особых познаний в социологии.

«ВИШНЕВЫЙ САД» Люди из Дома, где разбиваются сердца, ничего этого делать не хотели и не умели. Им столь же хорошо были известны предчувствия Уэллеса, насколько нашим правителям были неизвестны слова Бразма или Томаса Мора, и потому обитатели Дома отказывались от тяжелой поденщины политиков, да вряд ли у них и выпло что-нибудь, если бы они даже изменили свои намерения. Им бы и не позволялось вмешаться, так как в наше время всеобщего избирательного права только тот попадает в парламент, кто оказывается на следственном паром, если при этом ему не воспретителует его культурный багаж. Однако благодаря привычке обитателей Дома жить в безвоздушном пространстве они все равно оказывались бы беспомощными и неактивными в общественных делах. Даже в частной жизни они бывали часто, подобно героям чеховского «Вишневого сада», беспомощными расточителями своего наследства. И те из них, кто жил по средствам, в действительности находились под опекой своих страпичих и агентов, будучи не в состоянии сами ни управлять имениями, ни вести дела без постоянной подсказки со стороны тех, кто должен уметь это, или умирать с голоду.

То, что называется Демократией, не могло изменить подобное положение дел. Говорят, что каждый народ имеет правительство, которого он заслуживает. Правильнее было бы сказать, что каждое правительство имеет круг избирателей, которых оно заслуживает, так как ораторы с передней скамьи могут по желанию наставлять или развращать невежественных избирателей, как им захочется. Таким образом, наша Демократия вращается в порочном кругу взаимных вознесений и низвержений.

Главный редактор В. КОЧЕТОВ. Редакционная коллегия: Г. ГУЛИА, П. КАРЕЛИН, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), Б. ЛЕОНТЬЕВ, К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.